

2018
ГОНКУРОВСКАЯ
ПРЕМИЯ

В мире продано
более **400 000**
экземпляров

**И
ДЕТИ
ИХ
ПОСЛЕ
НИХ**

НИКОЛЯ МАТЬЕ

Литературные хиты: Коллекция

Николя Матье

И дети их после них

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Матье Н.

И дети их после них / Н. Матье — «Эксмо»,
2018 — (Литературные хиты: Коллекция)

ISBN 978-5-04-109704-2

«И дети их после них» – непревзойденный роман о становлении личности, о цикличности поколений. Роман, на страницах которого запечатлен истинный дух Франции. Далеким летом 1992 года, когда окутанный духотой город Эйанж спал, четырнадцатилетний Антони и его кузен, украв каноэ, отправились на нудистский пляж. В тот день судьба свела их со Стеф – первой любовью Антони. Эта встреча стала переломным моментом, определившим всю их дальнейшую жизнь. Четыре лета – четыре ключевых эпизода в жизни Антони и его друзей. Глазами этих подростков, чьи души обуяны хаосом, яростью, тоской, желанием вырваться в большой мир и отвоевать себе лучшее будущее, Матье показывает Францию девяностых, страну, задержавшую дыхание.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-109704-2

© Матье Н., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Часть I. 1992	5
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Николя Матье

И дети их после них

Оскарю

Есть между ними такие, <...> о которых не осталось памяти, которые исчезли, как будто не существовали, и сделались как бы небывшими, и дети их после них.

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, 44, 9.

Часть I. 1992

Smells Like Teen Spirit¹

1

Антони стоял на берегу и смотрел прямо перед собой.

Воды озера лежали на одном уровне с солнцем и казались тяжелыми, как нефть. Временами карп или щука, проплывая близко от поверхности, морщили их бархат. Мальчик потянул носом. В воздухе стоял запах тины, слежавшейся от жары земли. Июль усыпал веснушками его уже широкую спину. На нем не было ничего, кроме старых футбольных трусов и поддельных очков «рей-бен». Жара стояла убийственная, но дело было не только в этом.

Антони только что исполнилось четырнадцать. На полдник он мог умять целый багет с «Веселой короной». По ночам ему случалось иногда сочинять песни, лежа в наушниках. Родители у него были полный отстой. А осенью он пойдет в третий класс².

Его кузен – вот кто не парится. Подремывает себе, растянувшись на полотенце, красивом, купленном на рынке в Кальви в том году, когда они ездили в лагерь. Даже лежа он выглядит высоким. Все запросто дают ему двадцать два, а то и двадцать три года. Кстати, кузен с успехом использует это обманчивое впечатление о себе, чтобы ходить туда, где ему бывать не положено. В бары, кабаки, по девочкам.

Антони вытянул из засунутой в карман шортов пачки сигарету и спросил у кузена, не кажется ли, часом, и тому, что они тут скоро подохнут от скуки.

Кузен не пошевелился. Под кожей у него угадывался четкий рельеф мускулов. Время от времени, когда на складку у подмышки садилась муха, его кожа вздрагивала, как у коня, которого донимает слепень. Антони тоже хотелось быть таким – стройным, с накачанным торсом. Каждый вечер у себя в конуре он отжимался и качал пресс. Но он был другой. Всегда квадратный, массивный, как бифштекс. Как-то в школе классный надзиратель доставал его из-за порванного футбольного мяча. Антони предложил ему встретиться у выхода. Тот так и не пришел. Да и «рей-бены» у кузена настоящие.

Антони закурил сигарету и вздохнул. Кузен знает, чего хочет. Антони уже несколько дней уламывал его сходить на пляж «голозадых», хотя это было слишком оптимистичное название, потому что ничего особенного там не увидишь, кроме девиц топлес, да и то не факт. Но, как бы то ни было, идея побывать там прочно засела в голове у Антони.

¹ «Smells Like Teen Spirit» (англ. «Пахнет подростковым духом») – песня американской группы «Nirvana» из альбома «Nevermind» (1991).

² Согласно французской системе образования третий класс средней школы соответствует примерно нашему девятому.

- Ну давай сходим...
- Не-а, – буркнул в ответ кузен.
- Ну пожалуйста.
- Не сейчас. Купайся себе.
- Да, правда...

Антони уставился на воду своим странным печальным взглядом. Как бы лениво опущенное правое веко искажало его лицо, придавая ему постоянно угрюмое выражение. И тут облом. Как и с этой навалившейся на него жарой, с этим неуклюжим, словно обрубленным телом, с ногами сорок третьего размера, со всеми этими прыщами, то и дело выскакивавшими на физиономии. Купаться... Легко ему говорить, этому кузену. Антони сплюнул сквозь зубы.

За год до того утонул младший Колен. Четырнадцатого июля, нетрудно запомнить. В тот вечер на берегу озера и в леске собралось много местных – посмотреть праздничный салют. Жгли костры, устраивали барбекю. Как обычно, сразу после полуночи вспыхнула потасовка. Сначала солдатики из казармы не поделили что-то с арабами из «зоны»³, а потом ввязались «головастики» из Энникура. В конце концов в драку полезли любители отдыха на природе, в основном молодежь, но были и семейные мужики, пузатые обгоревшие на солнце бельгийцы тоже не остались в стороне. На следующий день на месте драки нашли обрывки жирной бумаги, испачканные кровью дрова, кучу битых бутылок и даже «Оптимист», мини-яхту местного аквалуба, застрявшую в дереве; неслабо, да? Не нашли только младшего Колена.

А ведь тот весь вечер торчал на озере. Это было точно известно, потому что он пришел туда со своими корешами, которые потом все подтвердили. Ребята как ребята, ничего особенного, Арно, Александр или Себастьян, только-только окончили школу, у них даже водительских прав еще не было. Пришли они туда специально посмотреть на традиционную драку, сами ввязываться не собирались. Но в какой-то момент оказались в самой гуще. Дальше все было туманно. Несколько свидетелей заметили паренька, который казался раненым. Вспоминали футболку всю в крови, а еще рану в горле – черную, влажную дыру. В сумятице никто не взял на себя труд оказать ему помощь. Утром постель младшего Колена оказалась пустой.

В последующие дни префект полиции организовал поиски в окрестных лесах, а аквалангисты тем временем обследовали дно озера. Зеваки часами наблюдали за тем, как снует туда-сюда оранжевый «Зодиак». Аквалангисты плюхались в воду спиной, доносился далекий всплеск, и потом все долго ждали в мертвом молчании.

Говорили, что мать Колена в больнице, под транквилизаторами. Еще говорили, будто она повесилась. Или что видели, как она брела по улице в одной ночной рубашке. Отец Колена работал в муниципальной полиции. Он был охотник, а поскольку все, естественно, думали, что это дело рук арабов, была надежда, что он так или иначе сведет с ними счеты. Отец был тот самый коренастый тип, что сидел в лодке спасателей, подставив лысину палящему солнцу. Люди с берега наблюдали его неподвижность, его невыносимое спокойствие и медленно созревавший череп. Его терпение всем казалось возмутительным. Людям хотелось, чтобы он что-то сделал, хотя бы пошевелинулся, надел фуражку.

Потом народ еще переволновался из-за того портрета, опубликованного в газете. На фотографии младший Колен получился каким-то нелепым, некрасивым, бледным, словом, как и должна выглядеть жертва. Вьющиеся на висках волосы, карие глаза, красная футболка. В статье говорилось, что он сдал выпускной экзамен с отметкой «очень хорошо». Достижение, учитывая его семейку. «Чего только не бывает», – сказал тогда отец Антони.

В общем, тело так и не нашли, и папаша Колен преспокойненько отправился к себе на работу. Жена его не повесилась – ничего такого. Только на таблетки подседа – и все.

³ Имеется в виду так называемая «зона первоочередной застройки» – кварталы новостроек, появившиеся в 1970—1980-е годы на окраинах больших городов и заселявшиеся впоследствии выходцами из стран Северной Африки.

В любом случае, Антони не имел ни малейшей охоты плавать в этом озере. Окурок с легким шипением коснулся поверхности воды. Он взглянул на небо и нахмурился от яркого света. На какой-то миг его веки сравнялись. Солнце стояло высоко, было, скорее всего, часа три. От курения на языке остался неприятный вкус. Нет, точно, время как будто остановилось. При этом новый учебный год надвигался со страшной скоростью.

– Твою мать...

Кузен приподнялся.

– Достал, однако...

– Серьезно, скучища. Ни фиги не делать целыми днями.

– Да ладно тебе...

Кузен накинул полотенце на плечи, оседлал свой крутой велик, собрался ехать.

– Давай шевели копытами. Едем.

– Куда это?

– Пошевеливайся, говорю.

Антони засунул полотенце в старый рюкзак «Шевиньон», достал из кроссовки часы и быстро оделся. Он только успел поднять с земли свой «ВМХ», как кузен уже скрылся за поворотом огибавшей озеро дороги.

– Подожди, блин!

Антони липнул к нему с самого детства. Их матери в молодости тоже были неразлейвода. Девушки Мужель, как их называли. Долго они наводили шороху в танцевальных залах кантона, прежде чем обе выскочили замуж, потому что любовь! Элен, мать Антони, выбрала одного из сыновей Казати. Ирен повезло еще меньше. Как бы то ни было, девушки Мужель с мужьями, детьми-кузенами – обе семьи – это был один мир. Чтобы убедиться в этом, достаточно было понаблюдать их на свадьбах, похоронах, на Рождество.

Мужчины мало говорили, рано умирали. Женщины красили и перекрашивали волосы и смотрели на жизнь с оптимизмом, градус которого тем не менее постепенно понижался. Состарившись, они хранили память о своих мужьях, отдавших Богу душу, кто на работе, кто в кабаке, кто от силикоза, о сыновьях, погибших на дороге, не считая тех, кто попросту смылся. Ирен, мать кузена, принадлежала именно к этой категории брошенных жен. Поэтому кузен быстро повзрослел. В шестнадцать лет он умел стричь траву, водить машину, не имея прав, готовить жратву. Ему даже разрешалось курить у себя в комнате. Он был бесстрашным и уверенным в себе. Антони пошел бы за ним даже в ад. Зато предки с их образом жизни вызывали у него все меньше теплых чувств. Все у них было как-то мелко – и рост, и положение, и надежды, даже несчастья – широко распространенные и какие-то конъюнктурные. Они либо теряли работу, либо разводились, либо оказывались роконосцами, либо заболели раком. В целом они были нормальными, и все, что существовало вне их жизни, считали относительно недопустимым. Так и росли эти семьи на камнях злобы, в подземельях накопившегося горя, которое под действием рюмки «пастиса» могло в один миг вылиться в такой банкет, что мало не покажется. Антони все чаще и чаще смотрел на них свысока. И мечтал свалить подальше.

Вскоре они приехали к старым железнодорожным путям, и кузен оставил свой велик в бурьяне. Затем, присев на рельсы, он какое-то время смотрел на досуговый центр «Лео Лагранж», находившийся внизу, под самой насыпью. Лодочный ангар был открыт настежь. Вокруг – ни души. Антони бросил свой «ВМХ» и подошел к кузену.

– Никого, – сказал кузен. – Сейчас прихватим лодку и поедем.

– Ты уверен?

– Не вплавь же нам добираться.

И кузен прыгнул вниз и побежал по насыпи через колючие кустарники и бурьян. Антони не отставал. Ему было страшно, но здорово.

В ангаре они несколько секунд привыкали к полутьме. К металлической стойке было подвешено несколько лодчонок, один «Атлантис-42» и каноэ. На вешалках висели спасательные жилеты, сильно вонявшие плесенью. Через открытые настежь двери виднелись пляж, сверкающее озеро и плоский пейзаж – как будто киноэкранный, повисший во влажном полумраке.

– Иди сюда, вот эту возьмем.

Слаженным движением они отцепили выбранное кузеном каноэ, затем подхватили весла. Перед тем как выйти из прохладного ангара, они немного помедлили. Там было хорошо. Вдали одинокий серфер под парусом вычерчивал светлые борозды на поверхности озера. Никто так и не появился. У Антони кружилась голова, как у пьяного, такое обычно бывало с ним перед какой-нибудь глупой выходкой, например, когда он тырил что-нибудь в супермаркете или гонял как сумасшедший на мотоцикле.

– Ну давай. Поехали, – сказал кузен.

Взвалив каноэ на плечи и взяв по веслу, они бросились наутек.

В досуговом центре «Лео Лагранж» тусовались безобидные в сущности ребята, которых родители пристраивали туда на время, пока не начнутся занятия в школе. Вместо того чтобы искать в городе проблем на свою задницу, они занимались конным спортом и катались на водных велосипедах. В самом конце устраивался праздник, все целовались по углам и пили втихомолку; самым наглым удавалось даже склеить вожатую. Правда, в общей куче всегда находилось несколько редких отморожков, деревенских шпанцов, выдрессированных отцовской плеткой. Если попадутся такие, дело может плохо кончиться. Антони старался об этом не думать. Каноэ было тяжеленное. Только бы до берега дотянуть, максимум тридцать метров. Лодка врезалась в плечо. Он стиснул зубы. Тут кузен зацепился ногой о корень, и нос каноэ резко дернулся. Антони, шедший сзади, споткнулся и почувствовал, как в ладонь вонзилось что-то твердое, вроде занозы или какого-то острья, торчавшего внутри. Стоя на коленях, он смотрел на пораненную ладонь. Из нее текла кровь. Кузен был уже на ногах.

– Давай, времени нету.

– Секунду. Я поранился.

Он поднес руку к губам. Рот наполнился вкусом крови.

– Скорее!

Послышались голоса. Они снова побежали трусцой, кое-как удерживая лодку и глядя под ноги. С разбегу они влетели в воду по пояс. Антони подумал о своих сигаретах и о лежавшем в рюкзаке плеере.

– Залезай! – сказал кузен, отталкивая лодку дальше от берега. – Быстро.

– Эй! – заорал кто-то позади них.

Голос был мужской. Потом раздались и другие крики, все ближе и ближе.

– Эй вы, а ну назад! Эй!

Антони с грехом пополам забрался в каноэ. Кузен толкнул лодку в последний раз и тоже вскарабкался внутрь. Позади них на берегу какой-то пацан в плавках и два инструктора над рывались что было сил.

– Гребите. Поплыли. Давай!

Они не сразу, но приноровились и довольно скоро уже гребли – Антони с левого борта, кузен с правого. На берегу сустились и орал на все голоса мальчишки в крайней степени возбуждения. Инструкторы бросились в ангар и вынесли оттуда три каноэ.

К счастью, лодка кузенов разрешила водную гладь с ободряющей четкостью. Они плечами чувствовали сопротивление воды и испытывали пьянящее ощущение скорости под ногами. Антони увидел тонкую струйку крови, текущую вдоль предплечья. Он на секунду выпустил весло из рук.

– Ты как? – спросил кузен.

– Ничего.

– Уверен?

– Ага.

Падавшие к его ногам красные капли сложились в голову Микки-Мауса. На ладони зиял тонкий порез. Он поднес руку ко рту.

– Гребите! – сказал кузен.

Преследователи, в том числе и взрослые, сидели в лодках по двое, по трое. Они были не так уж далеко, и Антони взялся за весло с удвоенной силой. Солнце билось о черную воду озера, разлетаясь на миллион белых осколков. Он чувствовал, как по лбу и по бокам у него струится пот. Майка на спине как будто намертво приклеилась к коже. На душе у него было беспокойно. А вдруг они вызвали легавых?

– Что делать будем?

– Они не погонятся за нами дальше.

– Ты в этом уверен?

– Гребите, блин!

Через какое-то время кузен изменил направление и повел лодку вдоль берега. Так он надеялся скорее добраться до Стрелки – узкой полоски земли, разделявшей озеро на две части. Им бы только перевалить за этот мыс, и тогда на несколько минут они окажутся вне поля зрения преследователей.

– Смотри, – сказал кузен.

Отдыхающие на ближайших пляжах повскакивали, чтобы лучше видеть, и ободряли беглецов свистом и выкриками. Антони с кузеном обычно ходили купаться в одно и то же место, на более-менее доступный пляж, называвшийся среди местных Помойкой. Считалось, что где-то поблизости находится сточная труба, чем объяснялось спокойствие этого места даже в разгар сезона. На озере было немало и других пляжей. Пляж центра «Лео Лагранж» у них за спиной. Вон там дальше – пляж кемпинга. А за ним – американский пляж, где купались «головастики». По ту сторону Стрелки – акваклуб, самое классное место, с елками, белым песком, кабинами для переодевания и баром, прямо как на море.

– Есть, – сказал кузен, – приплыли.

Чуть дальше, метрах в ста справа от них очертания какой-то разрушенной хибары, принадлежавшей когда-то лесному ведомству, обозначали оконечность Стрелки. Они обернулись, чтобы оценить расстояние, отделявшее их от преследователей. Те остановились, и, судя по тому, что можно было увидеть, инструкторы горячо о чем-то спорили. Даже издали было понятно, что они нервничают и не могут найти общий язык. Кто-то для пушей убедительности даже вскочил на ноги, но его усадили на место. В конце концов они повернули назад к досуговому центру. Кузены обменялись улыбками, а Антони даже показал им палец – теперь, когда они отвернулись, можно.

– Что будем делать?

– А ты как думаешь?

– Теперь они точно позвонят в полицию.

– И что? Гребите давай.

Они поплыли дальше вдоль берега, пробираясь через камыши. Был уже пятый час, и свет становился не таким слепящим. В сплетении листьев и ветвей на берегу раздавались какие-то звуки, кваканье. Антони, не отрываясь, смотрел на воду в надежде увидеть лягушку.

– Как твоя рука?

– Ничего. Скоро уже?

– Десять минут.

– Блин, офигеть как далеко.

– Я тебе говорил. А ты подумай о голых задницах.

Антони уже представлял себе это место как нечто вроде полки с порнофильмами в видео-клубе. Он иногда заглядывал туда тайком, замирая от страха и стараясь высмотреть все, что только можно, пока его не застучает кто-то из взрослых. Вообще говоря, ему все время хотелось рассматривать тела девчонок. В ящиках и под кроватью у него были припрятаны глянец-вые журналы и видеокассеты, не говоря уже о бумажных носовых платках. Все его приятели в школе страдали той же болезнью. Они превращались из-за этого в полных дебилов. Если подумать, то большая часть драк объяснялась именно этим. Глянешь в коридор, в голову как ударит, и – раз! – уже сцепились, катаются по полу, обзывая друг друга на чем свет стоит. Некоторые умудрялись как-то выкручиваться с девчонками. А Антони только раз и целовался, на заднем сиденье автобуса. Но та телка даже не дала ему потрогать грудь. Он и бросил это дело. Жалко, ее звали Сандра, у нее были синие глаза и классная попка.

Поток его воспоминаний прервали донесшиеся из-за деревьев звуки моторов. Они с кузеном застыли. Звуки приближались. Антони без труда узнал «PW 50», задорные детские гоночные байки, принадлежавшие досуговому центру. Центр давно уже предлагал среди своих услуг занятия мотоспортом, что, кстати, и обеспечивало ему такую популярность, гораздо больше, чем игра в йокари или спортивное ориентирование.

- Они поехали в объезд по шоссе.
- Это за нами, можешь не сомневаться.
- Вообще-то им нас не видно.

И все же кузены не стали строить из себя героев. Притаившись в каное, они прислушались с замиранием сердца.

- Футболкуними, – прошептал кузен.
- Чего?
- Футболку. Тебя за несколько километров видать.

Антони стянул через голову майку «Chicago Bulls» и подсунул себе под задницу. Пронзительный треск мотоциклов коршуном кружил у них над головой. Они молчали, неподвижно ожидая, что будет дальше. От гниющих на поверхности воды растений поднимался сладковатый запах. Он смешивался с запахом их пота, вызывая у них зуд нетерпения. При мысли о том, что кишело сейчас в этом почти болоте, Антони передернуло.

- Поздно будет, – сказал он.
- Заткнись...

В конце концов мотоциклы уехали, оставив после себя еле слышный треск. Ребята продолжили путь с осторожностью индейцев-сиу, миновали Стрелку, и им открылся вид на другую половину озера. По правому борту виднелся знаменитый нудистский пляж. Он был серый, закрытый со всех сторон берегом, так что с дороги к нему было не подойти, и почти пустой. Только метрах в тридцати от берега болталась моторная лодка. Короче говоря, полный облом.

- Блин, тут никого нет.

Антони чуть не плакал.

На самом деле на пляже отдыхали все же две девушки, но они были в купальниках, даже не топлес. Издали трудно было понять, красивые они или нет.

- Что будем делать?
- Ну, раз уж мы здесь...

При их приближении девицы засуетились. Теперь, когда их было лучше видно, стало ясно, что они совсем юные, подвижные, а главное – очень взволнованы. Та, что поменьше, вскочила, чтобы позвать кого-то из моторной лодки. Стоя в воде, она свистнула сквозь пальцы, очень громко, но безрезультатно. После чего быстро подбежала к своему полотенцу и буквально прилипла к подружке.

- Трусят, – проговорил Антони.
- А ты нет?

Кузены причалили, вытащили каноэ из воды и устроились на берегу. Что делать дальше, они не знали, а потому закурили. В сторону девиц они даже не взглянули, но ощущали тем не менее у себя за спиной их присутствие, непреодолимую глухую враждебность. Антони захотелось удрать. Но это было бы обидно – зря они, что ли, мучились? Как быть – непонятно.

Через несколько минут девицы перетащили свои вещи на другой конец пляжа. На самом деле они были классные: конские хвосты, ноги, попки, грудь – все просто супер. Они снова стали кричать что-то в сторону моторной лодки. Антони исподтишка подглядывал за ними. Ему было не по себе, что они так их переполошили.

– Это дочка Дюрюпта, – шепнул кузен.

– Которая?

– Маленькая, в белом купальнике.

– А другая кто?

Эту кузен не знал. Хотя не заметить такую было бы трудно. Она была словно нарисована одним росчерком, с головы до пят, точным, четким, а ее пышные волосы, завязанные высоко на макушке и рассыпающиеся по плечам, казались потрясающе тяжелыми. Купальник держался на бедрах за счет тесемок. Наверно, если их развязать, на коже останется четкий след. А уж попа была просто невероятная.

– Да уж... – согласился кузен, который иногда читал мысли.

В конце концов те, что сидели в лодке, отреагировали. Это была явно парочка, парень спортивного вида и его телка, блондинистая до противного. Они быстро привели себя в порядок, спортсмен дернул трос мотора, и лодка, взыв как миксер, резко повернула на другой галс. В два счета они оказались на берегу. Спортсмен спросил у девиц, все ли в порядке, они ответили, что да. Блондинка же поглядывала на кузенов с таким видом, будто они въехали на мопеде к ней в спальню. Антони заметил, что на спортсмене были кроссовки «Найк Эйр» последней модели. Он даже не потрудился снять их перед тем, как прыгнуть в воду. Спортсмен подошел к ним, девчонки жались позади него. Чувствовалось, что его так и подмывает навести порядок. Кузен встал, не собираясь уступать. Антони тоже.

– Что вы здесь делаете?

– Ничего.

– Вам чего надо?

Ситуация принимала опасный оборот. Спортсмен был, конечно, ниже кузена ростом, но на вид наглый и агрессивный. Этот дела так не оставит. Антони уже сжал кулаки. Но кузен одним словом разрядил ситуацию:

– У вас бумажки не найдется?

Сначала никто не ответил. Антони стоял боком, наклонив голову, так он обычно прятал свой «печальный» глаз. Кузен показал им размокшую пачку сигаретной бумаги.

– Я уронил свои в воду.

– А у вас есть что покурить? – удивился спортсмен.

Кузен вытащил из кармана коробочку из-под пленки «Кодак» и погромел лежавшим внутри шариком шмали. Все вдруг сразу расслабились, особенно спортсмен, и незаметно для себя перемешались. У спортсмена оказалась бумага. Он крайне возбудился.

– Откуда у тебя это? Сейчас ведь ничего не достать.

– У меня еще и травка есть, – сказал кузен. – Вас это интересует?

Еще бы. Две недели назад парни из «зоны» напали на антикриминальную бригаду полиции, после чего легавые в отместку высадили целый десант в несколько квартир башни Дега, проявив при этом хорошую осведомленность. Рассказывали, что за решетку так или иначе попала чуть ли не половина семьи Мерием, и с тех пор травы во всем городе было не сыскать. А в разгар лета это полная засада.

Пришлось изыскивать другие каналы. «Головастики» стали мотаться в Маастрихт и обратно, а кузен придумал свою схему, задействовав бельгийцев из кемпинга. Ему повезло: эти два милых дружка с пирсингом, которые только и знали, что лопать экстази да слушать техно, приехали в Эйанж на две недели как бы в семейный отпуск. Благодаря им из Монса была налажена доставка голландского сканка и марокканского гаша, почти красного цвета, после которого хотелось сидеть, макая печенки в теплое молоко, и смотреть фильмы с Мэг Райан. Кузен толкал все это в Граппе и окрестностях за двойную цену, по сотне за грамм. Клиенты, конечно, немного побухтели, но решили, что лучше раскошелиться, чем оставаться вообще ни с чем.

Вечером, когда Антони объезжал напоследок на велике свой квартал, через приоткрытые окна чердаков до него то и дело доносился специфический дух этого зелья. Забравшись под самую крышу, пацаны чуть старше его кайфовали, играя в «Street Fighter». А их папаши внизу, на первом этаже, смотрели тем временем по телику ток-шоу и потягивали пиво.

Кузен зажег самокрутку и протянул спортсмену, которого звали Алекс и который становился все симпатичнее. Следующим по очереди был Антони. Он несколько раз затянулся и пустил косяк дальше. Дочку Дюрюпта Антони знал – по имени. Ее отец был врач, а сама она слыла довольно отчаянной. Говорили, в частности, что как-то вечером в субботу она угробила папашин «BMW» третьей серии, что в общем-то неслабо для того, кто и прав-то не имеет. А еще она спала с парнями. Можно себе представить.

Зато вторая девица была совершенно не известная. К тому же она уселась совсем близко к нему. Так, что он разглядел веснушки, пушок на бедрах и капельку пота, сползавшую с пупка до самой резинки ее трусиков.

Кузен свернул сразу еще одну самокрутку, а Алекс купил у него на две сотни сканка. Все уже окончательно расслабились, еле ворочали языками и то и дело бессмысленно смеялись. Девчонки, у которых с собой оказались бутылки воды «Виттель», предложили попить.

- А мы ведь приехали посмотреть на девиц топлес.
- Ерунда это всё. Никто никогда здесь голым не купается.
- Может быть, раньше так было.
- Может, вы хотите, чтобы мы разделись?

Антони повернулся к своей соседке. Вопрос задала она. Необычная девчонка. На первый взгляд она производила впечатление пассивности, какого-то чуть ли не животного безразличия, посмотришь: какая-то грустная, рассеянная, как будто ждет поезд на перроне. И вместе с тем такая прикольная, нахальная, любит повеселиться. Впрочем, она неслабо кайфанула на первом косячке. И пахнет от нее здорово.

– Эй, слушайте!

Издали доносился рев мотора, тот же самый, что они слышали только что, с характерным переходом от резкого визга на высоких оборотах к утробному рычанию на низких.

- Это нас ищут.
- Кто?
- Да чуваки из центра.
- Ого, там в этом году крутые парни.
- Да?
- Пожары это их рук дело.
- Да нет, это «головастики».
- А чего это они вас ищут?
- Из-за каноэ. Мы сперли его в центре.
- Серьезно, так вот и сперли?

Они долго еще прикалывались, обкуренные, довольные, чувствуя себя в безопасности. Жара уже спала, и что-то сладкое, запах древесного угля, леса, сухих сосен щекотал им ноздри. Солнце склонялось к закату, заставив умолкнуть насекомых, и теперь был слышен лишь плеск

воды в озере, дальний гул автомагистрали, да временами разрывали воздух хлопки двухтактных двигателей. Девушки надели футболки и сняли лифчики купальников. Под тканью угадывались их груди. Сами они не обращали на это никакого внимания, а ребята притворялись, что им тоже на это плевать. Антони в конце концов снял солнечные очки. В какой-то миг он перехватил взгляд своей соседки, которая очевидно пыталась понять, что это за кривая физиономия. В седьмом часу она начала проявлять признаки нетерпения. Наверняка ей пора было возвращаться домой, вот она и нервничала. Она сидела по-турецки почти вплотную к Антони, и ее колено в конце концов коснулось его ноги. Какие они все-таки нежные, эти девчонки, никак к этому не привыкнуть.

Ее звали Стефани Шоссуа.

Это было четырнадцатое лето Антони. Должно же когда-то это начаться.

2

Спрятав каноэ, ребята поехали обратно на великах через лес Пти-Фужере. Антони, как обычно, развлекался, выписывая зигзаги на прерывистой линии посреди шоссе. Эта его привычка бесила кузена. За несколько дней до того они ехали вот так же по берегу неподалеку от складов, и Антони столкнулся нос к носу с «Фольксвагеном»-комби. Тому мужику пришлось резко крутануть руль в сторону. Когда кузен спросил, что он, совсем того, Антони ответил, что ехал по правилам.

– По каким правилам? Ты ехал посередине дороги.

С Антони иногда можно просто спятить. Интересно, сам-то он нормальный?

Но сейчас дорога была пустынной, и ребята быстро крутили педали лицом к солнцу, а за ними гнались только их тени. После дневной жары леса вокруг с облегчением вздохнули, а закат словно начал обратный отсчет. Напоследок спортсмен Алекс предложил им одну штуку. Один его приятель устраивает грандиозную тусовку в доме своих предков. Антони с кузеном тоже могут прийти при желании, но, естественно, не с пустыми руками. Судя по всему, веселье намечалось в одном из больших домов с бассейном. Будет выпивка, девочки, музыка, ночное купание. Антони с кузеном сказали: «О'кей, там будет видно». Но как нелегко дался им этот равнодушный вид!

Дальше – хуже, потому что та самая тусовка проходила в Дремблуа. Все-таки сорок километров на велике туда и обратно. Разве что позаимствовать отцовскую «Ямаху-YZ». Она годами гниет под чехлом в гараже. Хотя об этом даже думать нельзя. Лобовое столкновение с «Фольксвагеном» – это ерунда. А вот когда дело заходило о его старике – тут Антони было не до шуток.

– Он же даже не заметит, делов-то, – уговаривал его кузен.

– Нет, слишком стремно, – отвечал Антони. – Попробуем на велике.

– Да брось ты! Уже семь часов, не успеем.

– Я правда не могу. Он меня урочет, если я возьму его мотоцикл. Ты его не знаешь.

На самом деле кузен знал его даже очень хорошо. Патрик Казати был неплохой мужик, но иногда отпечатка пальца на телике хватало, чтобы привести его в такое состояние, что стыдно было смотреть. Хуже всего было потом, когда он понимал, что произошло. От сознания собственной низости он каменел, смущался и, не умея извиняться, пытался получить прощение, говоря тихим голосом и предлагая вытереть посуду. Мать Антони несколько раз собирала вещи и сбегала к сестре. Когда она возвращалась, жизнь начиналась снова как ни в чем не бывало. Но все равно между ними оставалось что-то такое, непроницаемое, что не позволяло говорить о настоящей семейной жизни.

– Там будет твоя подружка, – не унимался кузен. – Надо ехать.

– Какая подружка?

– Да ладно тебе, сам знаешь.

– А-а-а...

Стеф уже была для него вроде мелодии, которая крутится, крутится в голове, доводя вас до сумасшествия. Жизнь Антони перевернулась с ног на голову. Вроде бы ничего не изменилось, а при этом все не так, как раньше. Он страдал; это было здорово.

– Клёвая телка, ничего не скажешь.

– Ага.

Кузен прикалывался. Он знал эту его хитрую физиономию, точно так же тот смотрел тогда, в пятом классе, когда Антони запал на Наташу Гласман, девчонку в кикерсах и с глазами разного цвета. Задетый за живое, Антони выпрямился на своем велике. Ему надо было куда-то девать всю эту энергию. Он поехал стоя, вихляясь из стороны в сторону, естественно, посередине дороги.

Кузен жил с матерью и сестрой в узком трехэтажном доме, зажатом с обеих сторон другими строениями, с геранью в окнах и облупившейся штукатуркой на фасаде. Подъехав к дверям, ребята бросили велосипеды на гравии и устремились внутрь. Мать кузена смотрела в гостиной «Форт Бойярд». У нее была привычка врубить телик на полную мощность. При таком звуке старец Фурра обретал величие пророка – довольно неожиданное. Услышав, как они бегом поднимаются по лестнице, она крикнула:

– Разувайтесь сначала!

Понятно, ведь на втором этаже ковровое покрытие. С лестничной площадки Антони заглянул в комнату Карины, сестры кузена. Через приоткрытую дверь он разглядел сидевшую на полу фигурку, вытянутые ноги в мини-шортах. Это была Ванесса. Тут же раздалось злобное шипение: «Сопля, задрот малолетний, вали отсюда!» Карине было восемнадцать, и она все время проводила со своей лучшей подругой, шестнадцатилетней Ванессой Леонар, сплетничая, ни фиги не делая и воображая разные печальные любовные истории. Летом к этим занятиям добавлялось загорание с голыми сиськами в саду у Леонаров. Время от времени в сад неожиданно наведывался папаша Ванессы. Девчонки хихикали, но Ванесса считала, что это все же довольно-таки гнусно. Зато им было невдомек, что Антони, живший в том же коттеджном поселке, подглядывал иногда за ними из-за кустов бирючины. Вот змеюки, Антони до смешного их боялся. Он ретировался, не дожидаясь, пока они примутся за него всерьез и перейдут к физическому воздействию. Такое уже бывало. С ними шутки плохи.

Войдя к кузену, он сразу рухнул на кровать. Комната находилась под самой крышей, и, несмотря на наличие вентилятора, в ней было жарко, как в преисподней. На стенах – полки с видеокассетами, несколько фотографий из «Спасателей Малибу» и постер с Брюсом Ли. Плюс огромный телик в корпусе под дерево, видеоманитофон с четырьмя головками, пустой аквариум, в котором недолгое время жил питон-неврастеник. По углам – грязные носки, мотожурналы, пустые пивные банки, бейсбольная бита. Кузен уже сворачивал косяк.

– Вот блин...

– Ага...

– Чего делать будем?

– Не знаю.

Какое-то время они просто курили по очереди, ничего не делая, только думая. Вентилятор разгонял по комнате дым, а они, потные, с раздражением глядели друг на друга.

– В кои-то веки есть план на вечер.

– Ага, мой предок меня размажет, если я только дотронусь до его байка.

– А ты девчонку видел? Серьезно?

– Говорю тебе, нельзя.

Антони злился. Кузен умел достать.

– Чем ты рискуешь, в худшем случае? Серьезно, девять шансов из десяти, что он ничего никогда не заметит. Да она ему на хрен не нужна, эта рухлядь.

В этом была доля правды. Отец не хотел больше слышать об этом мотоцикле. Слишком много воспоминаний было с ним связано, мотоцикл напоминал ему о том, от чего он отказался когда-то, о чем-то, что походило на свободу. Правда, это ничего не меняло в том, что касалось запрета прикасаться к нему, даже наоборот. Антони машинально поднес руку к правому веку. В глаз попало немного дыма.

– Чего ты хочешь? – спросил кузен.

– То есть?

– Ты и с девчонкой-то никогда не был.

– Был!

– Ну да, конечно, это все та же история про заднее сиденье автобуса. И еще эта дочка Гласмана, ты два года парил нам мозги. А в результате ни хрена.

У Антони перехватило горло. Об этой девчонке он думал, не переставая, с первого класса средней школы до конца пятого. В классе он всегда старался держаться поближе к ней. На физкультуре все время искал ее глазами, и взгляд у него при этом был, как у побитой собаки. У него были кассеты, записанные в ее честь, собранные из песен, которые он слушал по радио: «Scorpions», Балавуан, Джонни. Он дошел даже до того, что стал крутиться у ее дома на велике. В результате он так и не решился спросить ее, не хочет ли она с ним гулять. В конце концов ее склеил Сирил Медране, сын препода по математике. Антони хотел набить ему морду, но ограничился тем, что стырил его рюкзак и выбросил в Энну. Теперь у него уже все прошло, она была просто сучка.

– Ладно...

Кузен сделал последнюю затяжку, затушил окурок и врубил «Мега-Драйв». Ну вот, приехали. Антони чуть не плакал.

– Ну блин...

Он вскочил с кровати, выбежал из комнаты и, прыгая через две ступеньки, одним махом спустился по лестнице. Хорошенькая перспектива – еще один вечер играть до посинения в «Ежа Соника», а кто-то в это время будет пить, клеить девчонок и целоваться с ними взасос. Лучше уж рискнуть. Он вскочил на велик и понесся прочь. Решено. В конце улицы он увидел кузину, которая возвращалась вместе с Ванессой от Дерша с сумками, набитыми бутылками с пивом. Он притормозил. Они стояли поперек дороги. Он слез с велосипеда.

– Ты куда?

– Спешешь?

– Эй, смотри на меня, когда я с тобой разговариваю.

Ванесса взяла его за подбородок. У них с кузиной были одинаковые прически: длинные волосы распущены, а одна прядь зачесана назад и заколота заколкой. Обе были в майках, мини-шортах, вьетнамках и пахли кокосовым маслом. На щиколотке у Ванессы поблескивала золотая цепочка. Антони заметил, что на кухне нет бюстгальтера. А размер у нее 95D. Он знал точно, потому что рылся у нее в комнате, когда ее не было дома.

– Ну так куда ты едешь? – снова спросила Ванесса, зажав ногами колесо велосипеда, чтобы не дать ему улизнуть.

– Домой.

– Уже?

– А что так?

– Выпить не хочешь?

– Куда это ты смотришь?

– Никуда...

Антони почувствовал, что краснеет. Он снова опустил глаза.

– Ну ты и извращенец. Показать, как я загорела?

И Ванесса показала ему более светлую кожу на бедре. Антони отступил назад, чтобы высвободить колесо.

– Мне надо ехать.

– Слушай, кончай. Что ты тут педика из себя строишь?

Кузина уже успела открыть бутылку и теперь потешалась у нее за спиной. Но она все-таки поспешила ему на помощь.

– Ладно, хватит. Оставь его в покое.

Она сделала еще глоток, на подбородке у нее блестело пиво. Антони снова попытался высвободиться, но Ванесса его не отпускала. Она стала кривляться.

– Антони.

Она протянула руку к его щеке, и мальчик почувствовал прикосновение ее ладони. Кожа у девушки была на удивление прохладной. Особенно кончики пальцев. Она улыбнулась ему. Он чувствовал себя полным дураком. Она расхохоталась.

– Ладно, катись!

Он рванул с места.

Спиной он ощущал их взгляды и при повороте на улицу Клеман-Адер даже не притормозил. Совершенно безлюдная в этот час улица круто спускалась к центру города. Небо на горизонте окрасилось в преувеличенно яркие цвета. Антони был как пьяный и, выпустив руль, раскинул руки. Его майка билась на ветру от бешеной скорости. На секунду он закрыл глаза, слушая свист ветра в ушах. Он несся как сумасшедший по полумертвому, странно скроенному городу, выстроенному на косогоре и под мостом. Его била дрожь, и он был до безобразия молодой.

3

Смех папаши Грандеманжа Антони узнал сразу. Соседи, должно быть, пили с предками аперитив на террасе. Он сделал крюк, чтобы к ним подъехать. Дом Казати был построен очень просто, вокруг не было ничего, только полузасохшая лужайка, шуршавшая под ногами, как мятая бумага. Отец, которому невмоготу уже было ухаживать за участком и косить траву, полностью перешел на гербициды. Теперь он мог со спокойной совестью смотреть по воскресеньям «Гран-при». Это было единственное или почти единственное, что радовало его сердце, не считая фильмов с Клинтом Иствудом и «Пушек острова Наварон». У Антони с отцом было мало общего, но их сближало хотя бы это: телек, механические виды спорта, фильмы про войну. Когда они сидели в полумраке гостиной, каждый в своем углу, это были моменты наибольшей близости, которую они себе позволяли.

В течение всей жизни родители Антони лелеяли мечту «построиться», занять «хижину», и худо-бедно у них это получилось. Через каких-то двадцать лет они выплатят кредит и станут полноправными домовладельцами. Стены из гипсокартона, двускатная крыша, как обычно строят в регионах, где полгода идут дожди. Электрическое отопление давало минимум тепла и огромные счета на оплату. А еще в доме были две спальни, встроенная кухня, кожаный диван и сервант с люневильской фаянсовой посудой⁴. Большею частью Антони чувствовал там себя дома.

– Гляди-ка, а вот и наш красавчик.

Эвелин Грандеманж первой заметила Антони. Она знала его еще совсем маленьким. Он даже первые шаги сделал на дорожке перед их домом.

⁴ Имеется в виду фаянсовая посуда, произведенная в городе Люневиль на знаменитой фаянсовой мануфактуре, открытой в 1730 году и существующей до сих пор.

– Как подумаю, что он сделал свой первый шаг на нашей дорожке...

Ее муж кивнул. Коттеджному поселку Ла Грапп исполнилось уже больше пятнадцати лет. Жили там как в деревне, или почти так. Отец Антони взглянул на часы.

– И где ты был?

Антони ответил, что провел весь день с кузенком.

– Я заезжал сегодня к Шмидтам, – сказал отец.

– Я там все закончил...

– Да, но ты забыл перчатки. Иди сюда, садись.

Взрослые сидели на складных стульях вокруг пластмассового садового столика. Все баловались пивком, и только Эвелин пила портвейн.

– От тебя пахнет тиной, – заметила Элен, мать Антони.

– Мы купались.

– Я думала, что ты брезгуешь. Смотри, покроешься весь прыщами. Там же полно сточных вод.

Отец заметил, что он от этого не умрет.

– Сходи лучше себе за стулом, – сказала мать.

Папаша Грандеманж похлопал себя ладонью по ляжке, в шутку предлагая Антони сесть к нему на колени.

– Давай, не стесняйся, не упадешь.

Это был двухметровый детина с огромными, жесткими, как деревяшки, ручищами, на которых недоставало трех фаланг. На охоту он ходил с особым ружьем, позволявшим ему нажимать на курок безымянным пальцем. К тому же он был неисправимый остряк, правда, над его остротами мало кто смеялся. Антони знал кучу людей, которые шутили вот так же, больше из вежливости.

– Я все равно не останусь.

– А куда это ты собрался?

Антони повернулся к отцу. Лицо у того вдруг стало жестким, матовая кожа натянулась. Красиво.

– Завтра же суббота, – ответил Антони.

– Да оставь ты его, у него каникулы.

Это вмешался сосед. Отец вздохнул. С Люком Грандеманжем они раньше работали вместе на складе Рекселя, сразу после остановки доменных печей. Они оказались среди первых, кто уволился по собственному желанию и переквалифицировался потом по программе переобучения в водителей автопогрузчиков. В то время такое решение показалось им правильным: кататься себе целый день на автокаре – как будто игра. А потом на Патрика Казати посыпались неприятности. В один день он лишился и водительских прав, и работы – по одной и той же причине. На права ему удалось пересдать после полугода административных заморочек и занятий в «Синем Кресте»⁵. А вот с работой в долине было трудно, и он в конце концов решил стать самому себе работодателем. Он купил грузовик «Ивеко», газонокосилку, инструменты и комбинезон с вышитой на нем собственной фамилией. Теперь он подрабатывал то там, то тут, главным образом неофициально. В хорошие месяцы ему удавалось заработать четыре-пять тысяч. Вместе с зарплатой Элен этого более-менее хватало на жизнь. Лето – горячая пора, и он привлек к работе Антони: подстригать лужайки, чистить бассейны. Особенно полезной его помощь оказывалась, когда Патрик был с похмелья. В то утро Антони как раз подстригал кусты у доктора Шмидта.

⁵ Международная федерация Синего Креста – организация, основанная в Берне (Швейцария) с целью оказания помощи людям, страдающим разными зависимостями, в том числе и алкогольной.

Отец выудил из стоящей у его ног сумки-холодильника бутылку пива, открыл ее и протянул Антони.

– Этому только бы из дома сбежать.

– Такой возраст, – философски заметил сосед.

Из-под футболки у него торчал живот – бледная, не слишком-то привлекательная масса. Он встал, уступая Антони свое место.

– Давай, присядь на две секунды. Расскажи что-нибудь.

– А ведь он еще вырос, правда? – сказала Эвелин.

Элен Казати тоже стала уговаривать его остаться, напомним, что дом – это не отель и не ресторан. Каждая проходящая секунда отнимала у него частичку тусовки в Дремблуа.

– Что у тебя с рукой?

– Ничего.

– Ты ее продезинфицировал?

– Да говорю тебе, ерунда.

– Сходи себе за стулом, – сказал отец.

Антони взглянул на него. Он думал о байке. Он прошел на кухню. Мать пошла вместе с ним. Руку явно нужно обработать девяностоградусным спиртом и перевязать.

– Да не надо ничего, – сказал он.

– У меня кузен палец так потерял.

У матери всегда были наготове поучительные истории про то, как чье-то легкомыслие обернулось трагедией, как чья-то счастливая жизнь оборвалась из-за лейкемии, и все в таком духе. Такая у нее была жизненная философия.

– Покажи.

Антони показал ладонь. Все отлично. Можно было возвращаться на террасу.

Там они выпили, потом Эвелин принялась его расспрашивать. Ей хотелось знать, как у него дела в школе, как он проводит каникулы. Антони отвечал уклончиво, а она слушала с добродушной улыбкой, показывая потемневшие от никотина зубы. На этот вечер она запаслась двумя пачками «Голуаз». Когда разговор прерывался, слышно было ее дыхание, знакомый всем хриплый присвист, затем она закуривала новую сигарету. В какой-то момент отец захотел прогнать осу, пристроившуюся к упаковке от сырков, принесенных для аперитива. Но та ничего не желала знать, и он сходил за электрической мухобойкой. Послышалось «зззз», запахло паленым, и оса упала лапками вверх.

– Какая гадость, – сказала Элен.

Вместо ответа отец залпом выпил свое пиво и выудил изо льда следующую бутылку. А потом все стали обсуждать, что случилось в Фуриани с соседом. Люк Грандеманж ничего удивительного в этой резне не видел. Насмотрелся он на этих корсиканцев, когда работал на стройке, это просто смешно. Потом, как обычно, разговор зашел о футболе, корсиканцах и черножопых. Эвелин пересела, она не любила, когда муж пускался в такие истории. Надо сказать, что недавнее нападение на антикриминальную бригаду всполошило весь поселок. «Зона» ведь совсем рядом. Люди уже представляли себе, как эти черномазые в балаклавах жгут машины, как это было в Во-ан-Велене. Сосед с отцом считали, что опасность все возрастает и что именно они находятся на последнем рубеже.

– Вам бы туда наведаться, – сказал великан, указывая на Антони подбородком.

– С этими типами все время проблемы, – согласился отец.

– Когда я служил в добровольной пожарной дружине, у нас случались вызовы в «зону».

Так представляешь, эти черномазые, вот такие пацанята, малявки совсем, пытались стырить у нас ключи от грузовика.

– А вы что?

– Да ничего, тушили пожар, и все. А ты что хотел?

– В этом и была ваша ошибка.

Они развеселились, но Антони было не до смеха. Он встал, чтобы потихоньку смыться.

– Ты куда?

На этот раз его остановила мать, Элен.

– Мне надо идти.

– С кем ты?

– С кузеном.

– Ты видел Ирен?

Сестры больше не общались. Все из-за ипотеки на дом, в котором жила Ирен, хотя сестры унаследовали его вдвоем. Деньги, все время деньги.

– Ага.

– Ну и что? Как она?

– Не знаю. Нормально.

– То есть?

– Да нормально все, чего тебе?

– О господи, ну иди, раз ты такой вредный.

Отец не повел и бровью. Они с соседом наливали себе по очередному стакану пива. Сейчас, в стужившихся сумерках, они были братьями, единомышленниками и подогревали свой праведный гнев, держась поближе друг к другу.

Антони воспользовался этим, чтобы улизнуть к себе в комнату, которая все же была не такая крутая, как у кузена. Отец добыл ему где-то двухэтажную кровать, всю облепленную наклейками «Панини», портретами французских и аргентинских футболистов и Криса Уоддла в форме марсельского «Олимпика». Положенная на козлы доска служила ему письменным столом. У него даже не было своего стула, что не облегчало делание уроков. К тому же в доме было всегда полно народу: то дядя, то приятели, то сосед зайдет выпить стаканчик. Он принялся рыться в шкафу в поисках какой-нибудь приличной одежды и не нашел ничего лучше, чем черные джинсы и белая рубашка-поло. Размер «L». На груди надпись: «Agrigel». Он быстро оглядел себя в зеркале в спальне у родителей. Вот не спустил бы он все свои бабки на ярмарке и в «Метро», мог бы прикупить сейчас приличных шмоток. Надо сказать, что до сих пор вопросы гардероба не слишком его беспокоили. Но с недавнего времени разговоры в школе стали принимать непривычный оборот. От каких-нибудь кроссовок «Torsion» или футболки «Waikiki» у пацанов напрочь сносило крышу. Глядя на свой жалкий видок в зеркале, он твердо решил откладывать деньги.

«YZ» стоял в гараже на своем месте, в самой глубине, за старым столом для пинг-понга. Аккуратно сложив накрывавший его чехол, Антони с удовольствием вдохнул запах бензина, пощупал протекторы. Это была модель восемьдесят второго года, красно-белый мотоцикл с цифрой «16». Отец когда-то участвовал в гонках, недолго. Под настроение он разрешал сыну покататься по кварталу. Элен это не нравилось. Все мотоциклисты рано или поздно заканчивают на носилках «Скорой помощи», тут не надо быть статистиком. Ну и пусть. У Антони мотоциклы в крови, так даже отец говорит. Переключая скорости, ложась набок на виражах, он чувствовал, что это – его. Когда-нибудь, это ясно, у него будет свой байк. Эта мысль смешивалась у него в голове с картинами морского побережья, потрясающих закатов, девушек в купальниках, с композициями «Aerosmith».

Он стал выкатывать мотоцикл, стараясь не задеть в темноте материнский «Опель». Потом осторожно открыл дверь гаража. И тут – чей-то голос, прямо в затылок.

– Значит, верно мне показалось, что я слышу какой-то шум.

Снаружи стояла мать и курила сигарету. Он видел ее в обрамлении гаражной двери на синем фоне вечернего неба – в наброшенной на плечи вязаной кофте, со скрещенными на груди руками. Она смотрела куда-то в сторону.

Антони ничего не сказал. Он держался руками за руль. Ему хотелось плакать. Он подумал о Стефани.

Мать бросила окурочек на землю и затушила его кожаным сабо.

– Ты подумал, какой концерт закатит нам твой отец?

Она подошла ближе, и он почувствовал ее запах, смесь холодного табака, липового шампуня, пота, выпитого алкоголя. Антони сказал, что будет осторожным. Он умолял ее.

– Знаешь, зайчик...

Она стояла совсем рядом, чуть покачиваясь. Свет фонаря падал на ее ноги, выхватывая из полумрака линию бедер, лодыжки. Она поспешила палец, чтобы стереть что-то у Антони со щеки. Мальчик отстранился.

– Ну что?

Казалось, она где-то витает. Потом она встрепенулась.

– Мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, когда умерла мама.

Она положила руки ему на плечи и сцепила пальцы у него на затылке.

– Знаешь, жизнь не такая уж веселая штука.

Антони молчал. Он ненавидел такие разговоры, когда мать словно оправдывалась, ища в нем союзника.

– Мама, пожалуйста...

– Что?..

После секундного колебания она поцеловала его в щеку, при этом чуть не разбив себе лицо. Она балансировала, как на ходулях, и только в самый последний момент ухватилась за стену. Это рассмешило ее, и она захохотала звонким девчоночьим смехом.

– Кажется, я немного перебрала. Да еще и поранилась.

Она поднесла к губам ободранный о цемент палец, слизнула кровь, осмотрела ранку, снова поднесла палец к губам.

– Девочка небось?

Антони не ответил. Она улыбнулась, потом развернулась и пошла обратно на террасу. Теперь она шла прямо. Высокая, стройная. В квартале про нее говорили «сучка».

Отойдя на приличное расстояние от дома, Антони нажал на кикстартер и завел мотоцикл. В темноте раздался оглушительный треск, и он помчался навстречу отозвавшейся эхом ночи. Он ехал быстро, без шлема. Ветер раздувал его большую, не по размеру рубашку-поло. Было еще тепло. Скоро он перестал думать о чем бы то ни было. Он ехал.

4

Кузен сел назад, и они выехали на шоссе. Антони жал на газ, выставляя на виражах ногу и ускоряясь на прямых участках. Скорость вышибала у них слезы и переполняла грудь. Они неслись по погасшей земле, с непокрытой головой, не способные на аварию, слишком стремительные, слишком молодые, еще недостаточно смертные. В какой-то момент кузен все же попросил сбавить ход.

Дремблуа был образцовой деревенькой, с церковью, несколькими фермами вдоль дороги, домиками поновее и старым особняком дантиста с кованой решеткой. Они добрались туда меньше чем за двадцать минут. Прибыв на место, они еще покрутились немного, отыскивая дом, где проходила пресловутая тусовка. Хибара была красивая, новая и вся прозрачная. Во всех комнатах горел свет. Холмистая лужайка, как поле для гольфа, в глубине поблескивал бирюзой бассейн. «YZ» с некоторой нерешительностью встал рядом с другими мотоциклами. Антони поставил ногу на землю.

– Здесь.

– Ага, – отозвался кузен.

В воздухе пахло костром, жареным мясом и скошенной травой. Слышалась музыка. Регги, может быть «Natural Mystic».

– Выглядит круто.

– Я забыл противоугонку, – сказал Антони.

Кузен слез с байка и осматривался на местности.

– Да ладно, ничего не будет. Спрячь его только где-нибудь там.

Он показал на длинную ферму с закрытыми ставнями. Чуть поодаль дожидались зимы десять кубов дров. Антони пристроил мотоцикл за ними. Но ему все равно было беспокойно.

Кузен достал из кармана куртки маленькую бутылку рома, сделал большой глоток и передал Антони. Потом выудил из рюкзака жестяную банку и повторил операцию. Так, по очереди, они выпили все, потом выбросили банку на свежеподстриженный газон. Это их рассмешило. Они пошли в дом.

На террасе с другой стороны дома куча молодежи уже толкалась вокруг большого стола, на котором были расставлены салаты, чипсы, хлеб, вино. Еще там было порядочно крепкого алкоголя в бутылках, торчавших из лохани со льдом. Долговязые типы в клевом прикиде занимались барбекю, попивая мексиканское пиво. Все они были пловцами, это было видно по их плечам, самодовольному виду, а главное – по надписям на их футболках. В долине эти чуваки были самые крутые, спортсмены, серферы, все такое. Все телки были их. Остальные их на дух не переносили. Регги сменился заунывным роком в духе «R.E.M.»⁶.

– Ты тут кого-нибудь знаешь?

– Не-а, никого, – ответил кузен.

Он закурил самокрутку.

Во всяком случае, судя по виду, все гости были рады находиться здесь. Антони увидел несколько девчонок, в которых можно было бы быстро влюбиться. Длинные, с конскими хвостами, в светлых топиках. У них были белые зубы, высокие лбы и крошечные попки. Парни болтали с ними как ни в чем не бывало. Выносить все это было трудно. В углу два чувака, сидя на старых шезлонгах, распивали коробку розового вина. По их футболкам и длинным волосам можно было догадаться, что они торчат от «Iron Maiden».

– Слушай, давай свалим отсюда, – сказал Антони.

– Кончай фигню пороть. Мы уже здесь.

Они нашли на кухне пиво и стали пить, осматривая дом. Поскольку никто их не знал, на них поглядывали, но без особой враждебности. Дом был действительно хорош. На верхнем этаже имелся даже настольный футбол. Кузены регулярно возвращались к холодильнику, чтобы пополнить запасы пива. Постепенно все лица стали им знакомыми, а многие казались даже симпатичными, чему немало способствовала выпивка.

– Блин, вот вы где!

Спортсмен Алекс сграбастал их своими ручищами и дружески встряхнул.

– Классно, что вы пришли.

– Ага, – отозвался кузен.

– Ну как, неплохо тут, а?

– А чья это хаза?

– Тома́. У него папаша рентгенолог.

На ребят эта новость не произвела особого впечатления. Алекс повернулся к кузену:

– Можно тебя на пару минут?

– Конечно.

⁶ R.E.M. – американская рок-группа, сформированная в городе Атенс (штат Джорджия) в 1980 году музыкантами Майклом Стайпом, Питером Баком, Майком Миллзом и Биллом Берри.

Антони остался один. Стеф и ее подружка до сих пор не пришли, и чтобы скрасить ожидание, он взял еще банку пива. Пятую, что уже давало себя знать. А еще ему хотелось писать. Искать сортир он не стал, а спустился к бассейну и пристроился в укромном уголке. Высоко вверху луна блестела механическим блеском. Ему было хорошо, он чувствовал себя свободным. Ни завтра, ни еще несколько недель никакой школы. Он вдохнул полной грудью ночь. В сущности, жизнь не так уж и плоха.

– Привет.

Он едва успел застегнуть штаны. Прямо на него шли Стеф и ее подружка.

– Ты случайно не видел Алекса? – спросила Клем.

– Видел. Он с моим кузенком.

На Стеф были облегающие джинсы, кожаные сандалии и белая майка. Ее подружка оделась точно так же, но в другие цвета, плюс на правом запястье у нее позвякивали золотые браслеты. Они классно смотрелись вместе, даже лучше, чем по отдельности. И все-таки Стеф в чем-то была круче. Антони искал, что бы такое сказать. И ничего не придумал кроме:

– Хотите косячок?

– Спрашиваешь, – ответила Стеф.

Паренек достал бумагу. Он хотел было присесть тут же, чтобы свернуть самокрутку, но Клем остановила его.

– Постой. Не здесь же. Ты только что тут писал.

Он покраснел, но девчонки этого не заметили: было слишком темно. Они спустились пониже, к бассейну и, сев в кружок, стали быстро курить самокрутку с марокканским гашем. Музыка гремела не по-детски. Антони подумал о соседях. Если так пойдет и дальше, они в конце концов позвонят в полицию. Он поделился своей мыслью с девчонками, но тех это не слишком взволновало. У них были другие проблемы, посерьезней. Похоже, кто-то, кто должен был быть здесь, до сих пор не пришел. Вот это была проблема, особенно для Стеф.

– Вы учитесь в Фурье? – спросил Антони.

Они повернулись к нему, словно удивляясь, что он все еще здесь.

– Ага.

– А ты?

Это спросила Стефани.

– Я в этом году пойду в Клеман-Адер.

Он соврал: он перешел еще только в третий класс, и то с большим трудом. Что еще говорить, он не знал, а потому сплюнул сквозь зубы. Девицы понимающе переглянулись, а Антони захотелось зарыться поглубже в землю. Вскоре они ушли обратно на террасу, оставив его одного, и мальчик смотрел им вслед, на их узенькие плечики, затянутые в джинсы попы, тонкие лодыжки и конские хвосты, упруго и высокомерно качавшиеся при ходьбе. Он сильно опьянел, и недавний легкий кайф сменился теперь неприятными ощущениями – головокружением и хандрой. Он тоже пошел наверх с мыслью присесть где-нибудь на стул и столкнулся с кузенком. Тот сиял.

– Ты где был?

– Нигде. Курил с девчонками.

– Они здесь?

– Ага.

– И что?

– Да ничего...

Кузен с секунду разглядывал его.

– Обрати внимание на поведенье я.

– А тот тип чего хотел?

– Класс! Им всем нужно курево. Я загнал им шмали на шесть сотен.

– Seriously?

Кузен показал ему бабки, и Антони повеселел. Настолько, что ему снова захотелось выпить.

– Только ты там смотри, не слишком увлекайся, – сказал кузен.

Двумя банками пива позже Антони решил зайти в гостиную. Там на полу, на диванах было полно парочек, которые, буквально прилипнув друг к другу, лапались и целовались взад-вперед. Девушки не сопротивлялись, и ребята всюду шаржили у них под футболками. Ноги, руки, кожа, светлые джинсы – все перепуталось, и только ногти с ярким маникюром выделялись среди этой путаницы цветными пятнами.

Стеф с подружкой тоже были тут, они сидели в глубине комнаты, прислонившись спиной к стеклянным дверям, ведущим наружу. С ними были три парня, которых Антони никогда не видел. Все они сидели прямо на полу с размякшим видом, вперемешку, касаясь друг друга коленями, а самый длинный из парней вообще лежал. Но особое внимание привлекал его сосед, чувак в кожаной куртке с грязными волосами, настоящий красавчик, похожий на Боба Дилана, хотя и с большой натяжкой, и одетый с элегантно небрежностью. Кроме того, в эту минуту играли «Let It Be», такая тоска. Антони сделал несколько шагов в их направлении. Он не прочь был бы тоже смешаться с этой компанией. Но это, конечно, было невозможно.

Потом парень в кожаной куртке достал из кармана какой-то пузырек, откупорил его, поднес к ноздрям и глубоко вдохнул. После чего протянул пузырек Стефу. Потом все нюхали по очереди и при этом ржали как ненормальные. Эффект, похоже, достигался чуть ли не моментально, но через минуту все проходило. Так что очень быстро они снова впали в то же самое томное оцепенение. Стеф и красавчик переглядывались, старались незаметно коснуться друг друга. В комнате было не меньше плюс тридцати. Как только этому придурку не жарко в кожаной куртке? Когда пузырек пошел по второму кругу, Антони решил попытаться счастья.

– Привет.

На него обратились пять пар глаз.

– Это кто? – спросил самый длинный, тот, что лежал на полу.

Стеф и ее подружка уже явно не имели ни малейшего понятия. Верзила приподнялся и щелкнул пальцами. Даже когда он сидел, было видно, какой он здоровенный, настоящий Шварценеггер. Он был в пастельной футболке и сандалиях на босу ногу.

– Чего тебе?

Клеманс только что нюхнула из пузырька. Она нервно закудаhtала и стала перевязывать свой конский хвост. Настала очередь Стефа. Та сделала глубокий вдох.

– Блин, как будто башку пломбиром накачали.

Остальные сочли это сравнение отличным: ощущение самое то. Когда пузырек вернулся к типу в кожаной куртке, тот обратился к Антони:

– Хочешь попробовать?

Все уставились на него мутными глазами, ожидая, что будет дальше.

– А что это? – спросил Антони.

– Попробуй, узнаешь.

Антони и сам не знал почему, но все они казались ему одинаковыми, похожими между собой. Ничего такого, какие-то детали в тряпках, которые были на них надеты, манера держаться, что-то смутно-поверхностное. Ему трудно было бы обозначить это словами, но он вдруг почувствовал себя каким-то мелким, жалким, ничтожным. Ему захотелось свалить. Он взял пузырек.

– Давай, – не унимался кожаный, втягивая ноздрями воздух.

– Оставь его в покое, Симон, – сказала Клеманс.

– Ну что, слаб? – подключился «Шварценеггер».

Наполовину прикрыв правый глаз, он изобразил асимметричное лицо Антони. Тот сжал кулаки, что было еще глупее, чем все остальное.

– Прекрати сейчас же, идиот несчастный! – сказала Клем и пнула шутника ногой.

Затем сердито обратилась к Антони:

– Чего тебе надо? Катись отсюда.

Но Антони не мог уже шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он, не отрываясь, смотрел на верзилу. У него даже голова закружилась. Стеф, взиравшая на все это с коровьим безразличием, решила разрядить обстановку.

– Так...

Она встала на ноги и потянулась, как гигантская кошка. Шварценеггер тоже поднялся. Он был на голову выше Антони, не меньше.

– Ладно тебе, шуток не понимаешь, – сказал третий чувак.

– Да он по-любому на ногах не стоит.

– Ты что, блевать собрался?

– Ясное дело, сейчас блеванет.

– Да он весь белый.

– Эй!

Антони не понимал, что с ним происходит. Он поднес пузырек к носу, скорее, чтобы не ударить в грязь лицом, чем для чего-то другого, и сделал глубокий вдох. Тут же мозг его словно обдало струей холодного воздуха, и он засмеялся. Кожаная куртка забрал свой пузырек обратно. Остальные смылись, а Антони остался сидеть по-турецки, свесив голову на грудь, совершенно один, в полной отключке.

Придя в сознание, он обнаружил, что лежит поперек лестницы где-то снаружи, волосы у него мокрые, а кузен пытается напоить его водой. Тут же сидела Клем.

– Что случилось?

– Ты отрубился.

Он не сразу понял. Он слышал музыку, голоса кузена и Клем и изо всех сил старался держать глаза открытыми. Потом Клем ушла, и он снова спросил, что случилось.

– Ты надрался как свинья. А потом грохнулся, вот и все.

– Я еще какую-то хрень нюхал.

– Ага, Клем говорила.

– Да?

– Это она отыскивала меня, когда ты свалился.

– Она тоже ничего.

– Ага, нормальная девчонка.

Потом кузен пояснил ему, кто были те два чувака – Шварценеггер и кожаная куртка. Антони слышал про них: братья Ротье, папенькины сынки, раздолбаи, возомнившие себя хозяевами долины. На самом деле их дядя тридцать лет подряд был мэром, пока рак поджелудочной железы не отправил его на тот свет. Но даже больным он долго еще расхаживал по Эйанжу, злющий, с раздутым брюхом, высоко перетянутым ремнем. Особенно поражало его пожелтевшее, осунувшееся, словно втянутое внутрь лицо, с которого искоса поглядывали хищные птичьи глаза. Он умер, так и не выпустив из рук мандата, до самой могилы оставаясь городским головой. Все остальные Ротье так или иначе принадлежали к избранным: аптекари, инженеры, разбогатевшие коммерсанты, врачи общей практики. Их можно было встретить повсюду, от Тулузы до Парижа. Везде они занимали ответственные посты, осуществляли руководство, что-то возглавляли, выполняли важную и непыльную работу. Что не мешало некоторым из их отпрысков в пубертатный период испытывать определенные трудности. К таковым явно относились и Симон со своим братцем.

– Не знаю, что такое я понюхал.

– Растворитель какой-то или попперс. Они же крезанутые, эти чуваки, глотают и нюхают что ни попадя.

– Твоя тоже, кстати, нюхала.

– Знаю, – сказал кузен.

– Долго уламывал?

– Еще чего.

Когда Антони немного очухался, они два раза обошли вокруг дома. Антони чувствовал себя по-настоящему пьяным. Ему хотелось домой.

– Поедем, а? Чего-то я устал.

– Еще даже двенадцати нет.

– Хреново мне. Сейчас бы в койку.

– На втором этаже полно спален. Ложись, отдохни часок.

Антони не стал спорить. Когда они поднимались обратно на террасу, веселый галдеж вдруг резко оборвался, и остался только один голос – Синди Лопер. Она пела «Girls just wanna have fun». И в этой внезапно наступившей мертвой тишине ее пение выглядело абсолютно нелепо.

Кузены подошли ближе, чтобы посмотреть, что там происходит. Все окружили двух незваных гостей в спортивных костюмах, с выбритыми висками и полным отсутствием задниц в широких портках. Глядя на растерянное выражение их свирепых физиономий, трудно было понять, собираются ли они нападать или сами попали в ловушку. На том, что поменьше, был перстень с печаткой и золотая цепь поверх воротника куртки. Другого звали Хасин Буали.

По крайней мере, этого Антони знал. Они с Хасином ходили в одну школу. Его учеба заключалась главным образом в том, что он торчал целыми днями под навесом для скутеров и поплевывал вокруг. Когда ребята встречались с ним в коридоре, то обычно опускали глаза. Он считался опасным типом, любил являться без приглашения на чужие тусовки, чтобы выпить на халяву, попутно что-нибудь стурить, перевернуть все вверх дном и в последний момент свалить под самым носом у полиции. И сейчас его появление явно не вызвало радости у присутствовавших. Полсотни гостей выразили это гробовым молчанием. В конце концов вперед выступил какой-то парень с явной целью урегулировать начинавшийся конфликт. Он был такой маленький, такой ладненький, такой хорошенький со своей стрижкой «в кружок» – ну, точь-в-точь человек из «Плеймобиля».

– Нам не нужны проблемы, – сказал он. – Вам здесь не место.

– Да пошел ты! Плевать я на тебя хотел! – ответил Хасин.

– Че ты паришься? Мы же пришли как люди, тихо-мирно, – подвякнул его кореш.

– Вас сюда никто не звал, – пояснил Плеймобиль. – Вы не можете остаться.

– Давайте-давайте, нам лишних заморочек не надо, – проговорил один из пловцов.

Он надел на голову капюшон толстовки и вытянул вперед руки ладонями кверху.

– Могайте отсюда, живо, – добавил он.

– Да ладно, что вам, жалко, что ли? – попытался уговорить его кореш Хасина. – Выпьем пивка по-быстрому и свалим...

Пловец сделал еще один шаг, раскинув руки в знак доброй воли. На нем были вьетнамки, что тоже говорило скорее о его мирных намерениях.

– Давайте, чуваки. Берите банку и сматывайтесь. Нам не надо историй.

Пролетел тихий ангел, затем, так же раскинув руки, Хасин заявил:

– Имел я всех вас и ваших матерей в придачу.

В тишине на углях гриля потрескивал жир. Ровным светом сияли бесстрастные звезды. Ответить никто не решился.

– Зря стараетесь, – заметил пловец. – Драки не будет. Хватит.

– Ты меня достал, – отозвался Хасин.

– Да ладно, мы же ничего плохого не делаем, – снова вступил его приспешник. – Ну, захотелось выпить, тихо-мирно.

Но Плеймобиль ничего не желал знать. Явились какие-то типы, которых никто не звал, значит, их надо выставить. Кроме того, завтра должны были вернуться его родители, вообще атас. Тут Хасин произнес слово «расисты». В ответ пловец дважды щелкнул пальцами у него перед носом.

– Эй ты, очнись. Тебя сюда никто не звал. Вали отсюда, и поскорее. Хорошо выпендриваться.

– Ну ты, сука.

Сказать что-то еще Хасин не успел. В окне второго этажа появилась рыжая девчонка в платье в цветочек и крикнула:

– Я вызвала полицию. Слышите? Предупреждаю: я вызвала полицию. Они уже едут.

И она помахала беспроводным телефоном, показывая, что не шутит.

– Убирайтесь сейчас же, – расхрабрился Плеймобиль.

Вообще-то оба прихлебателя выглядели полными ничтожествами, с этими пробивающимися усиками, непомерных размеров кроссовками на тощих ногах, да и выходка их была совершенно идиотская. И тем не менее, чтобы прекратить все это, потребовалось полсотни гостей, один пловец плюс жандармы.

Хасин начал отступление, стараясь при этом не ударить в грязь лицом, что в данном случае выражалось в развязной походке, как у бандитов из Бронкса. Оказавшись рядом с грилем для барбекю, он пнул его ногой и опрокинул в траву. Гриль развалился на части, угли разлетелись во все стороны до самой террасы. Стоявшая рядом куколка пронзительно завизжала.

– Вы что, совсем придурки?! – закричала ее подружка.

– Вон отсюда, дерьмо собачье!

– Она же обожглась!

Незванные гости были вынуждены убраться, и поскорее, а для верности их проводили до самой улицы. Они не спеша прошли через деревню, время от времени оглядываясь, чтобы выругаться или показать палец. Постепенно их фигуры скрылись из виду, затем послышался удаляющийся протяжный вой скутера, наконец замер и он.

Через десять минут праздник понемногу возобновился. Народ стал собираться в маленькие возбужденные группки. Все со смехом пересказывали друг другу недавние события, в которые трудно было поверить. Девушка, обжегшаяся об опрокинутый гриль, все еще хныкала, но ей явно было лучше. Что касается толстовки с капюшоном, ему ничего не оставалось, как скромно пожинать лавры. Нервничал один Плеймобиль. В ожидании полицейских он лихорадочно собирал повсюду недокуренные косяки и орал, что больше так не купится.

Чуть позже действительно прикатил грузовичок с жандармами, которым рассказали о случившемся. Похоже, рассказ их не слишком удивил, да и заинтересовал не очень. Как приехали, так и уехали.

В глубине сада раздались первые всплески, и Антони спустился к бассейну, который светился среди ветвей, как голубой экран. С десяток купальщиков пили пиво прямо в воде. Какая-то парочка целовалась взасос у края бассейна. Вдруг из воды вышла девчонка, совершенно голая, и стала выплясывать на радость публике. Антони не мог прийти в себя от удивления. Этим людям все позволено. Ей даже стали аплодировать. У нее был выбритый лобок и очень маленькая грудь – красиво, правда. И в то же время все это было так далеко.

– Не будешь купаться?

В нескольких шагах от него под ивой стояла Стеф. Она выглядела немного смущенной, растерянной. На левом бедре на джинсах у нее темнело жирное пятно. Он не ответил, и она спросила еще раз:

– Купаться будешь, спрашиваю?

– Не знаю.

Она стала снимать сандалии и вскоре стояла на траве уже босиком.

– Твой дружок здесь?

– Это мой кузен.

– Ну кузен. Странная какая-то тусня. Такое впечатление, что все это уже два дня тянется.

– Ага, – ответил Антони, не понимая, о чем она.

– Скоро рассветет.

Он взглянул на часы.

– Еще только три.

– Блин, холодно, – сказала Стеф, пытаясь справиться с пряжкой на ремне.

Она расстегнула джинсы и начала спускать их, но ткань прилипла к телу. Затем она стянула через голову топик. На ней был светлый купальник, не такой сексуальный, как днем.

– Ладно, пойду окунусь.

Она устремилась к воде, он видел ее быстрые бедра, упругие ягодицы. У самого края она оттолкнулась от земли и нырнула, вытянув вперед руки. Ее тело вошло в воду с изысканной легкостью. Когда она вынырнула на поверхность, рот ее был открыт, она смеялась, а конский хвост описывал в воздухе мокрые круги. Сидевшие на ступеньках принялись орать. Антони не мог разобрать слов. Он тоже скинул башмаки и расстегнул джинсы, но под ними у него были трусы в разноцветных зонтиках, и это разом охладило его пыл. Его трясло. И правда, не жарко. На террасе кто-то вдруг врубил музыку на полную мощность, и все наострили уши.

Эту вещь без конца крутили по каналу М6. Обычно она вызывала желание разбить вдребезги гитару или запалить к чертовой матери школу, но сейчас, наоборот, все прислушались. Как будто это было что-то совсем новенькое, пришедшее оттуда, из американской глубинки, из такого же дерьмового городишки, где замызганные белые коротышки в клетчатых рубашках потягивали дешевое пиво. И эта песенка, словно вирус, распространялась повсюду, где жили оборванные дети пролетариев, хулиганистые пацаны, отбросы экономического кризиса, малолетние матери, придурки-байкеры, любители травки, учащиеся спецклассов для абсолютно безнадежных. В Берлине снесли стену, мир во всем мире надвигался с неотвратимостью дорожного катка. В каждом городе этого деиндустриализованного, однополярного мира, в каждой дыре мальчишки без будущего, без мечты слушали теперь группу из Сиэтла под названием «Нирвана». Они отпускали волосы и пытались трансформировать свой душевный разлад в негодование, выражая тоску в децибелах. Утраченный рай пропал впустую, революции не будет, ничего не остается, как надеть побольше шуму. Антони покачивал головой в такт музыке. Таких, как он, тут было человек тридцать. Последнее содрогание, и все кончилось. Можно расходиться по домам.

Около пяти утра Антони проснулся от холода. Он и не заметил, как уснул в шезлонге под деревом. Несколько раз чихнув, он отправился на поиски кузена.

В доме на первом этаже несколько человек с мокрыми волосами трепались как ни в чем не бывало сипловатыми голосами. Девчонки, завернувшись в большие махровые полотенца, сидели прижавшись к парням. В воздухе чувствовался легкий запах хлорки. Вот-вот должно было рассвети, и Антони подумал о щемящей грусти, которая обычно приходит такими бледными ранними утрами. К тому же мать его точно урлет.

На втором этаже он заглянул во все ваннные комнаты, открыл двери всех спален. Кровати были заняты, под простынями угадывались спящие тела, по три-четыре на койку. Два металлиста, отыскав люк, вылезли на крышу и пили вино под звездами. Антони спросил, не видели ли они кузена.

– Кого-кого?

– Моего кузена. Высокий такой.

Металлисты предложили ему выпить с ними. Антони отказался.

– Так вы видели его или нет?

– Не-а.

– Ты в спальнях смотрел?

– Только что оттуда.

– Так садись. Смотри, как клево.

Металлист, который был ближе к нему, показывал на горизонт. От земли поднималась тонкая желтая полоска, постепенно заливая светом небо. Тьма мало-помалу становилась синей.

– А в садовом домике был? – спросил другой.

Он заложил руки за голову и не отрываясь смотрел на небо. Из рукавов его футболки торчали пучки светлых, почти рыжих волос.

Антони снова прошел в дом. В гостиной теперь было пусто, и у него создалось впечатление, будто он оказался на месте преступления. Пивные банки, окурки, вращающаяся в пустоте пластинка, потрескивание акустических колонок... Небо уже побледнело. Он побежал через сад. Странно, но бассейн был безупречно чист, он излучал синеву и выглядел ненастоящим. Антони на секунду задержался на краю, легкий плеск воды укачивал его, он боролся с желанием нырнуть. В толще воды виднелась то ли нижняя часть купальника, то ли трусики. Он подумал о Стеф, которую после купания не видел. В любом случае, плевать ему на все это. Он сплюнул в воду. Слабак он, вот и все.

– Эй!

Он быстро обернулся и увидел кузена, который махал ему с террасы. На нем была чужая футболка. Еле волоча ноги, Антони подошел к нему. Они пошли к выходу.

– Светает. Ты где был?

– Нигде, – ответил кузен.

– Стеф видел?

– Нет.

– Что это за футболка?

– Да так...

У Антони болела голова. Где-то пропел петух. Они подошли к куче дров, за которой оставили мотоцикл несколько часов назад. В другой жизни.

Мотоцикла не было. Антони рухнул на колени.

5

Чуть позже, утром, Хасин должен был явиться на прием в мэрию Эйанжа, в обшарпанный кабинет. Ночью он почти не спал. Он замерз. Мэрия занимала здание бывшей начальной школы – отсюда и непомерная длина ее бесконечных коридоров, и гулкость лестничных клеток, и этот холод, как в средневековом замке. Сотрудники мэрии на работу без теплых вещей не ходили. Хасин об этом не подумал и теперь буквально околевал от холода. И от этого психовал еще сильнее. Тем более что ему и так хотелось быть где-то в другом месте.

Напротив него молодая женщина, глаза которой выдавали проблемы со щитовидкой, изучала его автобиографию. На ней были затейливые серьги. Время от времени она делала какое-то замечание, задавала вопрос. На серьгах болталась фигурка то ли слоника, то ли кота. Трудно разглядеть. Не поднимая на него глаз, она спросила:

– Вот тут, например, что ты хотел сказать?

Ее указательный палец упирался в абзац, расположенный под заголовком «Область интересов». Хасин нагнул голову, чтобы разобрать написанное.

– Это бокс, – скромно произнес он.

– А, понятно.

Сдав экзамен на лицензиата, женщина специализировалась на трудовом законодательстве, а это направление могло похвастаться уровнем занятости, достойным 1960-х годов. Так, в частности, люди и попадали на должности, связанные с управлением человеческими ресурсами, а эта область экономики вот уже тридцать лет находилась на подъеме, несмотря на значительный дефицит рабочих мест, характерный для того времени. Кстати, став дипломированным специалистом (после пяти лет обучения в высшей школе), она меньше чем за два месяца нашла себе место. Вот почему она имела склонность рассматривать безработицу как одну из абстрактных угроз, о которых говорится главным образом в телевизионных новостях, вроде эпидемии болотной лихорадки, цунами, извержения вулканов. В данный момент она демонстрировала Хасину изощренный профессионализм в исполнении своих должностных обязанностей. Молодой человек по мере сил способствовал этому. Женщина заговорила снова. Эта история с боксом не оставила ее равнодушной.

– Как ты сказал?

– Муай-тай. Это, как его, тайский бокс...

– Ты думаешь, правильно указывать это здесь?

– Это спорт такой, – ответил Хасин.

– Да, но видишь ли, учитывая твой профиль...

Хасин насупился. То есть сделал пренебрежительную мину, которая придавала ему сходство с уткой. Пробивающиеся на верхней губе усики добавляли к этой смеси эмоций удивление.

Женщина улыбнулась.

– Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Да.

– Хорошо. А что такое «владение компьютерными средствами»? Можешь уточнить?

– Ну, там всякие штуки на компе.

– У тебя дома есть компьютер?

– Да.

Хасин уцепился ногами за ножки стула, на котором сидел. При малейшем движении стул отчаянно скрипел на мозаичном полу. Поэтому он старался сидеть спокойно. Сколько еще она будет доставать его этой хренью?

– Ну, например, с чем ты умеешь работать? Word, Excel? Тебе это знакомо?

– Всего понемногу.

– Точнее, пожалуйста, это важно. Понимаешь, ты предлагаешь какие-то реальные навыки. Ты это продаешь. К примеру, ты владеешь офисными программами?

– Ага. Я еще и программировать умею. Java script. Все такое.

– Это хорошо. Даже очень хорошо.

Похвала показалась ему обидной. А что она думала, эта дура? Что он только и умеет, что нажимать на кнопку «Пуск»? Дверца захлопнулась. А жаль. Ей было бы наверняка интересно послушать поучительную историю про пацана, который по субботам ходит утром в «Микрофан». В этом «комке», находившемся внизу, на берегу, прямо под «зоной», принимали старую компьютерную технику, а потом сбывали ее школам, неимущим или продавали на вес. «Amstrad 6128» стоил еще больше трех тысяч, и ни Хасину, ни его приятелям такая техника была не по карману. Вот они и ходили в «Микрофан». Часами потрошили устаревшие системные блоки IBM, обменивались процессорами, делились советами. Его преподаватель по технике в четвертом классе даже помог ему спаять кое-какие детали. В конце концов он собрал себе приличный комп, довольно мощный, во всяком случае достаточно, чтобы играть в «Double Dragon». Правда, с тех пор он забросил это дело. Если честно, за последнее время он все забросил.

– Так ты ездил во Франкфурт?

Он кивнул.

– И в Лондон. И в Бангкок.

– Да.

– Ты много путешествовал для своих лет.

Она смотрела на него с любезной улыбкой, тербя сережку. Возможно, на самом деле улыбка была насмешливой. Наверно, она принимает его за мифомана. На самом деле он Франкфурта в глаза не видел. Чего ему там делать? Ну и что? Все равно эта сука должна ему верить.

– Ты говоришь по-английски?

Он сделал движение головой, которое могло означать, что да, говорит.

– Отлично. Вообще-то, все так пишут, – сказала девица, странно повеселев.

Зазвонил телефон. Ее рука в нерешительности повисла над трубкой, телефон прозвонил три раза. Хасин напрягся все больше и больше. Что это, проверка? Или что?

– Алло, да, здравствуйте. Да. Конечно, да.

Она произносила свои «да» тягучим, медленным голосом, по-матерински. Правда, было похоже, что она говорит с каким-то дебилом. В чем-то это даже успокоило Хасина. Она со всеми говорит таким тоном.

– Конечно, мсье. Но вы все же перезвоните нам после начала учебного года. Да, именно...

Она гримасничала, призывая Хасина в свидетели. Такое бывает. Посоветовав своему собеседнику обратиться в службу занятости, она повесила трубку.

– Вот так целый день.

Оставалось еще несколько вопросов. В автобиографии Хасина было полно подозрительных мест. Конечно, все жульничают, но надо все-таки быть скромнее. Трансатлантические путешествия, *беглый* английский, стажировка в разных министерствах, волонтерская деятельность могли при случае вызвать определенные подозрения. Особенно неприятна была эта история с тайским боксом.

– Понимаешь? Особенно учитывая, откуда ты.

– А что с работой? – спросил Хасин. – Есть у вас что-то или нет, в конце концов?

– То есть?

– Не знаю. Мне отец сказал сходить в мэрию. Сказал, что у вас есть работа.

– Да нет же, все не так. Твой отец сходил к мэру в его приемный день, не знаю уж, что он там ему сказал. Мы занимаемся только ориентацией. Помогаем тем, кто потерял место, снова его найти.

– Значит, на самом деле у вас никакой работы нет?

– Тут, очевидно, какое-то недоразумение. Наша задача помочь людям проявиться, вновь поверить в себя. Мы направляем их в соответствии с их анкетой на переобучение. Бывает, что устраиваем коуч-тренинги. И потом, тебе же еще нет восемнадцати?

С этим Хасин был согласен. Его так и подмывало спросить ее, какого хрена он тут делает.

– Ну да, еще и несовершеннолетний. В этом направлении ничего нет. Да еще летом. Даже не думай.

Он собрался уже свалить, но тут она предложила проводить его, потому что ей приспичило выкурить сигарету на улице. К тому же так он не заблудится. В здании почти никого не было, и лодочки молодой женщины издавали в пустых коридорах несколько угрожающий административный цокот. В то же время ее обращение с ним стало, наоборот, гораздо задушевнее, на грани фамильярности.

В конце концов она была молодая, открытая, с ней можно было найти общий язык. На тротуаре она с явным удовольствием пожала ему руку. А потом вдруг ни с того ни с сего лицо у нее помрачнело.

– Я забыла спросить. Ты занимаешься чекингом?

Хасин не сразу понял.

– Ну, ты знаешь... это...

Она протянула раскрытую ладонь, и ему пришлось ударить ее по руке.

– Потому что некоторые работодатели, с которыми я встречалась, в полной растерянности. Есть молодые люди, которые занимаются чекингом прямо на работе. Со всеми. Понимаешь, все это так неприятно.

Хасин подумал было, что она издевается. Вроде нет.

– Мне идти надо.

– Да, конечно.

Он мог бы сесть на автобус, на той стороне улицы. Одиннадцатый довез бы его прямо до дома. Но он подумал: а вдруг она захочет поехать с ним? Лучше уж пешком. Спиной он чувствовал ее взгляд, все время, пока не завернул за угол. Хорошо, что у него карманы, хоть есть куда руки девать.

По пути он зашел в булочную, купил кока-колу и два круассана и стал взбираться по крутому берегу к «зоне», на ходу уминая свой завтрак. Было уже жарко, и прохладная кока-кола казалась просто чудом. Вскоре он заметил Элиотта, который бездельничал на площадке перед домом. Как и каждый год, аттракционщики развернули там «Автородео» и поставили будку, где продавались вафли. Хасин с приятелями торчал там дни напролет. Увидев его, Элиотт помахал рукой, и Хасин не спеша подошел к нему.

– Это что еще за дерьмо? – спросил Хасин, пнув ногой колесо его кресла.

– Батарейки нет. Да там и мотор сдох совсем. Вот, вытащил старое.

– Отстой...

– Не то слово.

– Как ты его спустил-то?

– Спокойно, все путем.

Элиотт никогда никого не грузил своей инвалидностью, он считал это делом чести. И это было даже полезно. Как-то в холл башни Мане нагрянула антикриминальная бригада с проверкой документов. Элиотт в тот день надрался как свинья, так фараоны его не то что не стали обыскивать, а даже донесли на руках на один пролет до лифта. Элиотт заметил, что только окончательный идиот может додуматься устроить лестницу прямо перед лифтом. Они согласились, смутившись, как будто дом был построен по их проекту.

– Новости есть? – спросил Хасин.

– Да ничего нового. Все будто перемерли. Если завтра ничего не привезут, я останусь на нуле.

С тех пор как Морганы вышли из игры, проблема поставки шмали достигла критической точки. Хасину даже пришлось связаться с братом, который жил в Париже.

– А что твой братан? – как раз спросил Элиотт.

Хасин пожал плечами. Они помолчали немного, потом Элиотт заговорил снова:

– Ты ездил в город?

– Ага.

– На кой?

– Да так.

Элиотт не стал настаивать, и Хасин уселся на ближайший парапет.

– Неслабо жарит сегодня.

– Ага.

Хасин принялся рассматривать изображения, украшавшие карусель. Майкл Джексон, оборотни, мумия, Франкенштейн. Картинки были яркие, красивые, а с наступлением темноты

все это разноцветье освещалось множеством лампочек. Уже несколько лет других аттракционов сюда не привозили. Хасин очень любил сахарную вату.

Температура неуклонно ползла вверх, и ребята переместились в тень, под навес, где обычно играли в шары. Оттуда им было видно клиентов. Последние два дня все уходило несолоно хлебавши. Вокруг высились равнодушные кубики домов. Свет был пронизан пылью.

После обеда стали подтягиваться остальные. Вообще их компания насчитывала с десяток парней. Джамель, Себ, Мусс, Саид, Стив, Абдель, Радуан и малыш Кадер. Все жили по соседству. Вставали поздно, подгребали на своих двоих или на скутере. Потусуются немного, потом отправятся по своим делам, потом снова заявятся. Таким образом происходила непрерывающаяся ротация знакомых лиц, приятели то и дело сменяли друг друга, что оживляло однообразие торгового процесса. Так или иначе, к середине дня под навесом постоянно дежурило человек пять-шесть ребят, стояли, прислонившись к стене, или сидели на парапете, поплеывая на землю и покуривая самокрутки. Приезжали и взрослые – потрепаться. Обменяются рукопожатием, приложат ладонь к сердцу, потом пара слов по-быстрому: как семья, как делишки, нормально или как? Большинство уже устроились – кто на временную работу, кто по бессрочному контракту у «Карглас»⁷ или «Дарти»⁸. Сам недавно открыл собственную кебабную у вокзала. Его спрашивали, как идут дела. Он хорохорился, но на лице его проглядывала тревога, постоянный страх разорения. Когда-то он был самым крупным дилером в долине, а теперь вот – катается на «Пежо-205». Ребятам становилось неловко, они обещали заглянуть как-нибудь потом, и Сам в футболке марсельского «Олимпика» с проступающими из-под нее жировыми отложениями на талии возвращался к своему кредиту и двум пацанятам – дальше вкалывать. Позже, на обратном пути из бассейна заезжали на великах мелкие. Вяло поприкалываются, и все, потому что, грубо говоря, до открытия карусели делать было совершенно нечего. Временами жара и скука ударяли в голову как алкоголь. Бывало, доходило даже до рукоприкладства – так, от нечего делать. Потом снова воцарялся свинцовый покой, словно захлопывалась западня.

Вскоре приехал малыш Кадер. Он был без шлема, его скутер издавал при езде громкие хлопки. Для порядка он проехался под конец на одном заднем колесе. С ним был Себ в надвинутой по самые уши каскетке «Сан-Франциско Фоти Найнерс».

– Так чего делать будем?

– А чего ты хочешь делать?

– Не знаю. Двинем куда-нибудь.

– Тебе бы только двигать.

– А что? Сегодня ведь пятница. Чего делать-то? Seriously.

– Пивка закупим.

– Ага.

– Достали вы меня со своим пивком. Жрете прямо на улице, как бомжи.

Хасин сказал, значит, больше никаких разговоров. С самого начала каникул он был злой как собака. Оно и понятно. В июне его скутер отдал богу душу, и с тех пор он был вынужден ходить пешком, как каторжный. Началось с зажигания. А потом вдруг всё посыпалось на хрен: цилиндры, поршни, тормозные колодки, свечи. В придачу эти проблемы со шмалью, какое тут может быть благоразумие? Хасин сплюнул сквозь зубы. Никто больше не шевелился. Элиотт взялся свернуть косячок.

После трех время стало похоже на тесто – жирное и тягучее до бесконечности. Каждый день так. Ближе к вечеру город впадал в какое-то мутное оцепенение. Не слышно было ни детских криков, ни телевизоров в раскрытых настежь окнах. Многоэтажки дрожали в знойном мареве, и казалось, они вот-вот рухнут. Временами в тишину врезывался треск мопеда.

⁷ Международная компания, специализирующаяся на ремонте и замене автомобильных стекол.

⁸ Французская компания, специализирующаяся на розничной торговле электротоварами.

Ребята моргали итирали пот, проступавший на каскетках темными пятнами. Внутри, под ними назревало беспокойство. Все были сонные, злые... Да еще этот кислый табачный вкус во рту. Вот бы оказаться где-нибудь совсем в другом месте, на работе, в каком-нибудь офисе с кондиционером, там, наверно, хорошо. Или на море.

Хасин тоже психовал. С самого утра у него не набралось и десятка клиентов. Должно быть, появились новые источники. Спрос и предложение подчинялись каким-то магнетическим законам и теперь разбежались, как рассорившиеся любовники. При таких делах Хасин с его корешами скоро окажутся в полной заднице, они все потеряют. Он мог сколько угодно твердить, что брат выручит их, если что, он и сам в это не верил. У этого сукина сына настоящий бизнес, он имеет дело с парнями из Бобиньи, живет в окрестностях Парижа и не был в Эйанж уже года три, не меньше. На звонки не отвечает. Рассчитывать на него не стоит. Если так и дальше пойдет, придется обращаться за помощью к «головастикам». У этих всегда есть способ раздобыть товар, у них свои каналы. Но эта идея ему совсем не нравилась. Иметь дело с этими типами и правда опасно. Они на все способны. Они трахают друг друга, вот уроды, при одной мысли об этом Хасину становилось не по себе.

Он прокручивал все это в голове, когда приперся Фред. Этот был из настоящих торчков, всегда такой расслабленный, вежливый такой. Хасин его на дух не переносил. Главное, это дерьмо позволяло себе еще и фамильярничать, потому что оно, видите ли, когда-то знавало кузенов Буали, тех самых, которые первыми организовали в Эйанже трафик шмали, еще в восьмидесятых.

– Привет, братишка, – сказал Фред.

– Нет ничего. Вали отсюда.

Дальше все пошло как обычно. Фред и ухом не повел, Хасин отвечал все более односложно. Фред принялся клянчить: одну дозу, всего одну! Дело дошло до оскорблений. В конце концов перешли к угрозам, и Фред, жалкий и медлительный, соблаговолит отчалить. Сдержанность во взаимоотношениях была его навязчивой идеей. Он так и не нашел чем заняться в жизни: ни профессии у него не было, ни жены, ни преступлений. Жил он с матерью, влачил нищенское существование. Слава богу, у матери была богатая аптечка, которой Фред и утешался, когда нечего было курить. Врачи здесь были добрые. Вся долина нуждалась в паллиативной помощи.

– Похоже, у него еще и СПИД, – проговорил Эллиотт, глядя вслед этому беспозвоночному.

– Глупости.

– Да он же подышает, это сразу видно.

– Ну и пусть подышает, сукин сын.

К пяти часам появилась девица с автодрома вместе с матерью, которая держала палатку с вафлями. Обе только и знали, что жрать чуррос и конфеты, не отрывая задниц от стула, при этом, как ни странно, мамаша была настолько же тощей, насколько дочка жирной. Включили генератор, и площадка сразу осветилась множеством лампочек. Мамаша поставила разогреваться формочки, запустила аппарат для приготовления сахарной ваты. По площадке распространился карамельный запах. Заиграла музыка.

Ребята сгоняли домой и теперь пахли гелем для душа, волосы их блестели, кое-кто малость перестарался с дезодорантом. Они напускали на себя скучающий вид, типа им все до лампочки, но нетерпение давало себя знать. Наконец явились они. Парочками или маленькими стайками. Девчонки с длинными распущенными волосами смотрели в пол, посмеивались втихомолку и постреливали вокруг глазами. Они устроились по ту сторону площадки, на скамейках или стояли, облокотившись о защитное ограждение. Пришли они из других кварталов Эйанжа или из Ламека и Этанжа, а некоторые приехали на автобусе аж из Мондево. Им разрешили, потому что сейчас каникулы, но при условии, что вернутся они не слишком поздно.

У себя в квартале ребята девчонок не клеили, потому что каждая неизбежно была чьей-то сестрой или дочкой. А с этими, пришлыми, можно. Они приезжали каждый день, ради этого кусочка ярмарки. Надо было пользоваться моментом.

Хасин первым направился к кассе. Он взял десять жетонов на двадцать монет. Девушка за стеклом уже обливалась потом. Узнав песню, послышавшуюся из репродукторов, она прибавила звук. Это была довольно занудная композиция Брайана Адамса, и ее мамаша закатила глаза. Она только что поставила печься первые вафли и обмахивалась рекламной газеткой. Остальные ребята выстроились в очередь за жетонами. Дело пошло.

Истратив первые десять жетонов, Хасин купил еще десяток. Почти два часа он катался по кругу. Приятели то и дело врзались в него. Он отвечал тем же. И все это время он думал только о девчонке, что стояла с двумя подружками на краю площадки, той, с кольцами в ушах и французским маникюром. Всякий раз, когда он смотрел в ее сторону, та отворачивалась. Каждый день они чего-то ждали. Но ничего не происходило. Он даже не знал, как ее зовут, ничего не знал. Он никому не говорил об этом. Около восьми она ушла. Она никогда не оставалась надолго.

Хасин ушел с автодрома и вернулся к парапету, у которого проходила вся его жизнь. Ему все обрыдло. Элиотт спросил, что с ним.

– Ничего, отстань.

Тут еще этим болванам, Саиду со Стивом, удалось заманить к себе в тачку двух телок. Хасин сплюнул сквозь зубы. Малыш Кадер смотрел на него. А вот этого делать было никак нельзя.

– Чего тебе?

– Ничего.

– Чего пялишься?

– Да ничего.

– Кончай пялиться, говорю, сучонок.

И так далее. Малышу Кадеру пришлось-таки опустить глаза. Небо над их головами застряло в зубастых челюстях многоэтажек. Фасады зияли узкими глазницами и кривыми ртами окон. Вкусно пахло вафлями. Фредди Меркьюри пел «I Want to Break Free». В конце концов Хасин ушел. Малыш Кадер был весь зеленый. Получил ни за что.

– Ну и ну, что с ним такое, не знаю. Вчера мы были на одной тусовке, так он уже там волком смотрел.

– С чего бы это?

– Не знаю. Гриль свалил. Всех сукиными детьми обозвал.

– Тут он прав. Они сукины дети и есть.

– Ага, точно.

Все засмеялись. Нет, все равно, временами можно подумать, что он того, спятил.

Хасин на полном газу выехал на «YZ» из «зоны», пригнувшись, съехал по берегу вниз. На третьей скорости влетел в центр городка. Теперь главное не тормозить – в этом вся фишка. Для этого надо просто заранее вписываться в поворот, а в конце виража снова жать на газ. Мотор бешено тарыхтел в переулках. Прохожие успевали разглядеть только тощую фигуру с тонкими руками, торчавшими из рукавов непомерно широкой футболки. Из этого видения и из причиненного им неудобства они сразу делали политические выводы. Семнадцатилетнее сердце Хасина было словно опутано колючей проволокой. Останавливаться на светофорах? Исключено. Все, он больше не может. Временами смерть казалась ему желанным исходом.

Вскоре он выехал на шоссе, тянувшееся до самого Этанжа, и остановился на краю поля, где валялись огромные тюки с соломой. Бросив мотоцикл, он пошел прямо по сухому жнивью. Он шагал в хорошем темпе, на губе его проступил пот, голые руки болтались вдоль туловища.

Во рту чувствовался медный привкус. С сухим шуршанием прокладывал он себе дорогу, оставляя позади примятый след. Так он шел, пока не устал, присел в тени, прислонившись спиной к стогу. Потом достал из кармана зажигалку и стал играть с ней. Открывал большим пальцем крышку и зажигал, чиркнув колесиком о джинсы. Солнце уже не так припекало, проливая на окрестности мягкий обволакивающий свет. Это была старая зажигалка «Зиппо» бронзового цвета, как во Вьетнаме. Он отнял ее у одного пацана во время выпускных экзаменов за неполную среднюю школу. Каждый год в школу Луи Армана приезжали сдавать экзамены третьеклассники из «Грозового перевала», частного заведения в центре города. Надо было видеть, как они прибывают в своих бенеттоновских свитерках. Высаживая их из тачек, родители с опаской поглядывали на серые строения. Прямо проводы новобранцев на перроне. Это была старая республиканская традиция – сдача экзамена в чужой школе. В первые годы это мероприятие сопровождалось вымогательствами и прочими инцидентами. Но со временем вялотекущая классовая борьба перестала приносить доход. Буржуи из «Грозового перевала» стоворились и стали оставлять дома часики, подаренные по случаю конфирмации. Не снимать же с них рюкзачки от «Tann's». В прошлый раз Хасин занялся группой волосатиков в рокерских футболках. Вот тогда он и заныкал эту зажигалку и два гитарных каподастра. Голубое пламя вкусно пахло бензином. Он поджег соломинку у своих ног. Та вспыхнула. Искушение было велико, но Хасин затоптал пламя. Медный привкус во рту становился все сильнее. Кислота проникла в грудь, и он почувствовал, как рот наполняется слюной. Он снова зажег зажигалку. Дохнув дымом, с треском и жаром загорелся стог. Остроконечные, сладострастные языки пламени с чудным запахом поднимались вверх. Он отступил на несколько шагов назад, чтобы лучше видеть. Огонь уже бежал по земле, все дальше, в поисках пищи. Хасин дышал полной грудью. На него вдруг снизошел поразительный покой, как это всегда бывало. Теперь можно и домой. Когда мотоцикл тронулся в обратный путь, за спиной у него, казалось, пылала вся долина.

– Опять курил? – спросил старик.

Хасин не нашел у себя ключей, и ему пришлось позвонить, чтобы отец открыл дверь. Тот стоял на пороге в стоптанных тапках на босу ногу, весь в джинсе, застегнутый на все пуговицы. Глаза с трудом угадывались на его морщинистом лице. Под носом топорщился пучок не тронутых бритвой седых волос. Видел он все хуже.

– Да нет же, – ответил Хасин. – Так как? Я могу войти?

– От тебя дымом несет. Ты куришь?

– Говорю тебе, нет!

Отец нахмурился и, наклонившись, понюхал футболку сына. Не переставая ворчать, он пропустил его внутрь. Войдя, Хасин снял кроссовки. Из кухни доносился шум скороварки. Пахло картошкой.

– Люди видели твоего брата, – серьезно сказал отец.

У него был красивый, низкий хрипловатый голос. Слова перекатывались будто камешки в решете.

– Им привиделось.

– Они говорят, что видели.

Юноша обернулся к отцу, чьи зрачки приняли нечеткий контур и молочный оттенок, указывающие обычно на старость. Однако ему было всего пятьдесят девять.

– С чего бы им говорить, если они на самом деле его не видели?

– Да не знаю я. Перепутали.

– Мне сказали, что он там был.

– Чушь собачья. Кончай ты с этим, – застонал Хасин.

Старик выглядел озабоченным. Он уже давно не видел старшего сына. У Хасина сжалось сердце. Они с отцом стояли в тесном коридорчике вплотную один к другому. На стенах висели зеркала, старые фотографии, разные вещи оттуда. На полу выстроились в ряд ботинки. Хасин заговорил снова:

– Что мы едим?

– Что всегда. Иди сюда.

Отец вернулся к плите. Перевернул в сковородке рубленые бифштексы, потом включил громче радио, заглушившее ворчание жарившегося мяса. Потом выключил огонь под сковородкой, и они сели за стол. Отец пил воду, сын налил себе стакан гренадина. Было еще светло, но температура стала терпимее. Пахло кофе, весь день простоявшим на огне. Они не разговаривали, ели, положив локоть на стол. Зазвонил телефон, и Хасин побежал в гостиную, чтобы ответить. Это была мать. Она звонила оттуда. Они перекинулись парой слов, но говорила главным образом она. Сказала, что у них жарко. Что рада, что скоро увидит его. Спросила, как он себя ведет. Потом трубку взял отец и несколько минут разговаривал с женой по-арабски. Хасин ушел к себе, чтобы не мешать.

Позже отец заглянул к нему.

– Ты мэрия ходил?

– Ага.

– Работа был?

Отец жил здесь уже больше тридцати пяти лет, но все еще говорил на очень относительно французском, хотя и приобрел местный грубый говорок. Всякий раз, когда тот открывал рот, Хасину хотелось куда-нибудь спрятаться.

– Да нет, нет там никакой работы.

– Нет работы? Она говорила, что все в порядке.

Чтобы окончательно прояснить ситуацию, отец вошел в комнату.

– Нет. Ты не понял. Она там сидит, чтобы помогать людям, которые ищут работу. Но у них самих ничего нет. Все это вообще ни к чему.

– Как это?

– Она помогла мне с резюме, вот и все. Она ничего не может, говорю тебе.

– Вот как?

Брови отца сошлись на переносице, он еле слышно пробурчал что-то по-арабски. Узкие темные губы почти не двигались под седыми усами. Хасин попросил повторить.

– Работать надо, – заявил отец неожиданно торжественным тоном.

– Ага. А еще надо, чтобы работа была.

– Надо найти. Если захочешь – найдешь, – ответил отец, убежденный в своей правоте.

– Точно. Кстати, в понедельник утром я пойду в магазин затариваться. В холодильнике пусто.

– Вот это хорошо.

Старик был большой мастер по части проработки, но стоило Хасину заполнить холодильник продуктами, как все нравоучения заканчивались. Юноша встал. Он сказал, что уходит на вечер.

– Куда это?

– Не знаю. Никуда.

– Как это – никуда?

– Я не поздно.

– Ты всегда поздно возвращаешься.

Хасин уже вышел из комнаты. В коридоре он поспешно натянул кроссовки и куртку, но это не помогло ему избежать последнего совета.

– Наделаешь глупостей – пеняй на себя.

Хасин пообещал глупостей не делать и вышел к приятелям, уже ожидавшим его на площадке у подъезда. Кадер немного дулся. Хасин поддразнил его ровно столько, сколько было нужно, чтобы привести настроение в норму. Потом все стали просто без дела смотреть, как крутятся на автодроме машинки. Эллиотт свернул маленький косячок, у него почти ничего уже не осталось. Маловато на шестерых. Вместо расслабления это вызвало всеобщее раздражение.

– Чего делать будем? – спросил Саид.

Этот ритуальный вопрос все слышали раз по десять за день.

– Не знаю.

– Двинем куда-нибудь.

– Куда двинем?

– Двинем, там посмотрим.

– Двигай, только не усни.

Каждый старался вытянуть из косяка как можно больше. Мусс вообще обломался: ему осталось только раздавить окурок в пыли.

Вскоре мамаша с дочкой вырубил ток, и последние посетители растворились в темноте. Женщины тоже удалились вместе с кассой, на прощание помахав ребятам. Дома теперь сложились в пейзаж из прямых линий, усеянных голубыми осколками. Возраст городка канул во мраке. Не осталось ничего, кроме темных громад, острых граней да освещенных окон. И скуки.

– Блин, ну и тоска...

– Ёпрст, что будем делать-то?

– Пошли, плевать, что-нибудь придумаем.

– Сверни хотя бы еще косячок.

– Ну уж нет, у меня вообще почти ничего не осталось.

– Завтра получишь, нормально.

– Вот завтра и посмотрим.

– Слушай, не будь ты сукиным сыном, плевать на твои проблемы.

– Сказал – завтра.

День подходил к концу. В понедельник Хасин попробует продать байк. Он знал одного типа, который торговал всякими железками. За него можно будет взять пол-сотни.

6

Когда кузены добрались до дома Антони, было уже утро. Они чувствовали себя грязными, разбитыми. Плюс ко всему их поджидал отец, сидя за рулем своего грузовичка. Тут же был и сосед в шортах и пляжных шлепках со стаканчиком дымящегося кофе в руке. Увидев их, он расхохотался, но это было скорее попыткой разрядить ситуацию. В грузовичке работало радио, и гнусавый голос без конца повторял припев какой-то песенки.

– Ну и где вы были, гаврики?

Отец посмотрел поверх солнечных очков куда-то вдаль, словно хотел определить по солнцу, который сейчас час. Ребята застыли, не доходя до него, и стояли, опустив руки.

– Да уж, хороши гуси, – сказал сосед.

Отец кашлянул, прочищая горло, протянул руку к бутылке с водой, стоявшей рядом с ним на сиденье, отпил добрую половину и поставил обратно. Видно было, что он тоже не в лучшей форме. Он еще раз прочистил горло и закашлялся.

– Я уже несколько часов жду. Где ты шлялся?

– Сегодня суббота, – проговорил Антони.

– И что? Поэтому ты можешь не ночевать дома?

Ребята долго шли, возвращаясь из Дремблуа, голосуя каждый раз, как на дороге показывалась машина. За всю дорогу они не сказали друг другу и сотни слов. Антони подташнивало.

– Да ладно, дело молодое, – миролюбиво сказал сосед. – Ничего страшного не случилось.
– Ага, – отозвался отец. – Знаешь, я сам как-нибудь разберусь со своими делами, если ты не против.

Сосед понял намек, а отец выпрыгнул из кабины своего «Ивеко». На нем были башмаки, полученные когда-то по линии социальной помощи, джинсовые бермуды и майка без рукавов. Он поискал в кармане сигареты, и ребята увидели, как под загорелой кожей заиграли дельтовидные мышцы и сухожилия.

– Ну, я пошел, – сказал сосед.

Отец сделал вид, что не услышал. Закурив, он снова принялся за Антони:

– Ну? Что скажешь в свое оправдание?

– Ладно, не буду вам мешать, – снова сказал сосед.

Продолжая натужно улыбаться, он поднял на прощание беспалую руку.

– Ага. Передавай привет Эвелин, – сказал отец.

Обязательно передаст. И он ушел, с трудом переставляя ноги. У него были непомерно толстые икры. Как-то раз он сдал кровь на анализ, и выяснилось, что у него зашкаливает холестерин. После этого он не спал три ночи, но от колбасы с ветчиной тем не менее не отказался. Когда-нибудь все равно придется умереть.

Отец снял с кончика языка табачную крошку. Антони видел в его солнечных очках свое искаженное отражение. Выглядел он неважно.

– Ну?

– Мы были у друзей. Немного выпили. Решили, что лучше там и заночевать.

Губы отца сложились в двусмысленную улыбку. Он обернулся к кузену.

– Думаю, тебя дома заждались.

Ребята не спеша ударили на прощание по рукам, и кузен тоже отчалил. Антони остался под палящим солнцем один на один со своим похмельем и отцовским взглядом.

– Что это за штуки? Вы что, теперь прощаетесь как эти черножопые? Еще салам алейкум скажите!

Антони промолчал. Он думал о пустоте в глубине гаража.

– Давай залезай, – сказал отец. – Работа есть.

– Могу я сначала хоть душ принять?

– Залезай, говорю.

Антони послушался. Отец взялся за руль. Грузовик тронулся. Антони облокотился об окно, чтобы подышать свежим воздухом.

– Пристегнись. Не хватало еще из-за тебя штраф схлопотать.

На выезде из поселка отец был уже на четвертой передаче и давал около восьмидесяти километров в час. Он едва сбавил газ на «лежачих полицейских», установленных на подъездах к начальной школе, рядом с казармами пожарных. Антони почувствовал, как желудок у него подкатывает к горлу, и подумал, что сейчас блеванет. Остановиться бы на пару минут, подышать. Он обернулся к предку. Но тот не отрываясь смотрел на дорогу, вцепившись в руль квадратными кулачищами с зажатой между пальцами сигаретой. В его солнечных очках мелькало синее небо. Они выехали из города, и прошло минут десять, пока Антони не собрался наконец с духом.

– Останови, пожалуйста.

Отец взглянул на него.

– Тебе нехорошо?

– Да.

Паренек действительно был белый как простыня. Грузовичок с гидравлическим стоном остановился на обочине. Антони выпрыгнул из кабины. Не успел он сделать и трех шагов, как из него вылетело все, что было в желудке. Он выпрямился, обливаясь потом, вытер рубашкой

лицо и рот. Повязка на его руке была черной от грязи. Прямо перед ним, сколько хватало глаз, простиралась дорога на Этанж, Ламек, Тьонвиль и дальше – в Люксембург. Мимо пулей промчался «Фиат-Панда», потом вдали показался старичок на мопеде с прицепом. Гнусавое тарыхтение становилось все громче, и старичок в круглом шлеме проехал мимо, с царственным видом уставившись в горизонт. Провожая его взглядом, Антони увидел в зеркале заднего вида отцовскую челюсть, шею, мускулистое плечо, затылок с первыми седыми волосами. Он сплюнул, чтобы избавиться от горечи во рту, и снова залез в грузовик.

– Полегчало? – спросил отец.

– Ага.

– Держи.

Антони взял бутылку с водой и долго пил. Грузовик снова тронулся. От жары асфальт покрылся расплывчатыми блестящими пятнами. Странно, но они так и не увидели больше старичка на мопеде, тот начисто исчез – будто испарился. По радио диктор желал хорошего отдыха тем, кто уходит в отпуск в августе, и удачи тем, кто отгулял отпуск в июле и в понедельник должен возвращаться на работу. После чего в кабине раздались первые ноты песни «Люблю смотреть на девушек».

– Ты, часом, не знаешь, что там твоей матери взбрело в голову?

– То есть?

Отец снял очки, провел рукой по лицу, по шее. Потом на мгновение выпустил руль и потянулся. Грузовичок бодро мчался среди лугов и рапсовых полей наглого желтого цвета. Местами мягкий пейзаж перечеркивали штрихи высоковольтных линий.

– Утром она снова принялась за старое. Все из-за тебя, говнюк, из-за того, что ты дома не ночевал.

– Что случилось-то?

– Ничего, – сухо отрезал отец. Потом, помолчав, добавил: – В любом случае, если ей вздумается уйти, лично я ее держать не стану.

Они поехали дальше. Ссора дома могла начаться по любому поводу: из-за чьего-то взгляда, из-за телепрограммы, неудачно сказанного слова. Элен умела выбрать самое больное место. У отца не хватало слов. Антони подумал, что, если тот еще хоть раз поднимет на нее руку, он убьет его. Теперь он был почти в силах это сделать. Он чувствовал себя разбитым, ему хотелось зареветь. Еще этот байк, блин...

Через сорок минут они подъехали к большому дому, затерявшемуся в местечке под названием Ла Гранж. При взгляде на него сразу возникал вопрос: что он делает в этой дыре со своим симметричным фасадом и шиферной крышей, солнечными часами и дорожками, усыпанными белым гравием? В этом захолустье не было ничего, кроме старых ферм, длинных, большей частью заброшенных, мелкокошья, останков мелких лавчонок да остовов сельхозмашин.

– Кто тут живет? – спросил Антони.

– Не знаю. Это заказ от агентства недвижимости. Надо скосить траву, подстричь живую изгородь, и чтоб все было о'кей. Они собираются его продавать.

В опровержение его слов на решетке красовалась табличка: «Продано». Вот уже некоторое время такие захолустные поселки-призраки в приграничных районах начали неожиданно возрождаться к жизни. Заслуга в этом принадлежала Люксембургу, который, страдая от постоянной нехватки рабочей силы, черпал недостававшие ему руки и головы у соседей. Таким образом, толпы людей ежедневно отправлялись в путь, чтобы заступить на рабочее место за границей. Зарплаты там были хорошие, социальные отчисления небольшие. Так люди и жили, на ходу, работали по одну сторону границы, жили по другую. И благодаря этой приграничной активности возвращались к жизни некогда умирающие территории, была спасена школа, у

подножия мертвой церкви открыл свое заведение булочник, среди голых полей вдруг начали, будто грибы, расти дома. Из-под земли, словно по волшебству, стал пробиваться целый мир. А по утрам и вечерам вереницы невыспавшихся рабочих-мигрантов с синевой вокруг глаз запрыгивали в поезда, скапливались на дорогах в поисках средств для пропитания. Экономика потихоньку находила себе новые пути для развития.

Отец занялся живыми изгородями, Антони тем временем косил лужайку. Оглушенный жужжанием мотокося, паренек вскоре забыл про неприятности. Когда солнце поднялось высоко над землей, он снял рубашку-поло, скинул кроссовки. Травинки липли к потному телу, к лицу. Все это чесалось, но стоит только начать скрестись, уже не остановишься. Он то толкал тяжелый гудящий агрегат, то тянул его на себя, огибая стволы и ни о чем больше не думая. Время от времени, глядя на свои босые ноги в сухой траве, он думал, что вполне может поскользнуться. Было жарко, он чуть не падал от усталости: вот так и происходят несчастные случаи. Нога может попасть прямоиком под нож, а тот так и будет делать свои три тысячи оборотов в минуту. Странно, но эта мысль придала ему бодрости. Кровавая развязка часто казалась ему выходом.

К трем часам отец позвал его перекусить. Антони почти закончил косить и двигался теперь вверх, к террасе, с приятным чувством выполненного долга, весь в поту и в траве. Отец знаком велел ему подождать и вскоре подошел к нему.

– Иди за мной.

Они обошли дом и вышли к гаражу. Там отец присоединил к торчавшему из стены крану поливочный шланг, и вода, несколько раз булькнув, полилась на землю ровной, сильной струей.

– Раздевайся, – сказал отец.

– Как это?

– Раздевайся, говорю. В таком виде ты есть не будешь.

– Не буду я заголяться, вот еще.

– Кончай пререкаться. Представь себе, что меня тут нет.

Мальчик снял джинсы и трусы, прикрыв срамные места руками.

– Да ладно, на кой мне твой стручок?

Отец начал поливать его из шланга, зажимая время от времени отверстие пальцем, чтобы увеличить напор. Вода хлестала веселой струей. Сначала это было неприятно и даже довольно-таки унижительно, но потом мало-помалу Антони привык, и прохладный душ оказал на него должное действие. Отец настоял, чтобы он подставил под струю шею и голову: это прочистит ему мозги.

– Ну как?

– Что?

– Разве не хорошо?

– Хорошо.

Отец прекрыл воду и свернул шланг.

– Ладно. Быстренько перекусим, а потом ты подсобишь мне с изгородью.

Они вернулись на террасу, и отец дал ему бутерброд. С маслом и сыровяленой колбасой. Сумка-холодильник была наполовину заполнена банками с пивом.

– Выпьешь глоток?

– Ага.

Отец налил ему, и они устроились на лужайке в тени под вишней. Офигенно пахло свежескошенной травой. Над их головами в листве играли блики солнечного света. Они выпили пива, обменявшись парой слов. Перед тем как взяться за бутерброд, отец влил в себя еще банку. Он был доволен тем, как движется работа.

– Нет лучшего работника, чем образумившийся лодырь.

Антони улыбнулся. Вообще-то он и сам был доволен.

Он наслаждался деревенским покоем. Вкусная еда, приятная усталость. Ему нравилось вкалывать на свежем воздухе. Нравилось, когда старик бывал доволен. Правда, такое не часто случалось.

– Мне надо было бы раньше тебе все это рассказать.

Отец сидел рядом, он был совершенно спокоен. Он провел рукой по небритой щеке, раздалось тихое, успокаивающее шуршание – мужской звук. Он говорил о своих проблемах с Элен. Должно быть, здорово сглупил и вот теперь жалеет.

– Ладно, все будет хорошо.

Отец прокашлялся и стал шарить по карманам в поисках курева. На сегодня все. Потом поднялся, взял перчатки, сунул в рот сигарету.

– Ладно... Надо работать дальше...

Антони смотрел, как отец идет вкалывать, с перчатками в руках, выдыхая дым через ноздри. В такие моменты он почти забывал, на что тот способен.

Им понадобилось еще целых три часа, чтобы закончить изгородь. Перед отъездом они не спеша выкурили по последней сигарете, глядя на результаты своей работы. Они неплохо потрудились, дом был чистенький, все вокруг выглядело опрятно, в порядке. Антони еще побыл бы здесь, наслаждаясь тишиной и присутствием отца. Но им надо было пускаться в обратный путь. Они собрали инструменты, закрыли ворота. Антони почти позабыл обо всей этой истории. Тусовка в Дремблуа казалась чем-то далеким-далеким. Смешно, как быстро забываются всякие вещи, когда ты занят делом. То, что казалось трагедией, словно растворилось в поте, в потраченных силах. Он почти не чувствовал своей вины. Потом он подумал о матери. Ей пришлось целый день переваривать эту историю. Страшно представить себе, в каком она должна быть состоянии.

На обратном пути он уснул, прислонившись головой к чуть подрагивавшему стеклу. Когда он проснулся, они уже почти приехали. Отец решил вскрыть нарыв, пока они одни.

– Ну, так что ты там такое натворил ночью?

– Говорю тебе, мы были на вечеринке.

– И что?

– Ничего. Вечеринка как вечеринка.

– А где?

Дремблуа – это слишком далеко. Если сказать правду, отец спросит, как они туда добрались. Кто их привез обратно.

– В городе, – сказал Антони.

– У кого?

– Точно не знаю. У каких-то буржей.

– Откуда ты их знаешь?

– Это кузен.

Помолчав, отец спросил, были ли там девчонки.

– Ага.

Прошло около минуты, прежде чем отец заговорил снова.

– В любом случае, это был последний раз, когда ты не ночевал дома. Мать чуть не спятила сегодня утром. Еще одна такая выходка, и я займусь тобой всерьез.

Антони взглянул на отца. У того было усталое лицо – лицо человека, который много пьет и мало спит, обманчивое и непостоянное как море. Антони любил это лицо.

Они нашли Элен на кухне, под неоновой лампой, та просматривала телепрограммку и курила.

– Вкусно пахнет, – сказал отец, выдвигая стул и садясь. – Что мы сегодня едим?

Элен стряхнула пепел и затушила сигарету. Она курила «Винстон». В пепельнице лежало что-то около двадцати пяти окурков. Антони не смел даже взглянуть на нее. Она была в очках для чтения – не слишком хороший знак.

– Картошка, – сказала она. – С яйцами и салатом.

– Отлично, – сказал отец. Потом обратился к Антони: – Ничего не хочешь сказать?

Антони знал, что у нее должно было твориться внутри. Он через стол ощущал ее враждебность. Натянутое лицо, сжатые, почти невидимые губы.

– Извини, – сказал он.

Отец продолжил:

– Знаешь, его по пути вырвало.

– Как бы то ни было, больше ты по вечерам никуда ходить не будешь, – сказала мать.

Она хотела сказать это каменным тоном, но посередине фразы осеклась. Отец спросил, все ли у нее в порядке.

– Да. Просто устала.

– Видишь? – сказал отец, призывая сына в свидетели.

– Я тоже валюсь с ног, – сказал Антони. – Пойду спать.

– Поешь сначала, – сказал отец. – Когда вкальываешь, надо есть.

С этим не поспоришь. Антони сел за стол, мать подала ужин. Картофель был переварен, яйца липкие и пересоленные. Антони проглотил все в два счета. Отец, казалось, пребывал в отличном настроении, как всегда, когда рабочий день оставался позади. Или когда он чувствовал какую-то свою вину и предпочитал об этом не думать. Он принялся болтать о новых стройках. Для летнего времени это прекрасно, можно будет устроиться на полный рабочий день. Он и сам почти верил в то, что дела у него идут лучше некуда. Он спросил у матери, не осталось ли чего выпить. Она налила ему в большой стакан вина прямо из коробки.

– Это все то же, с барбекю?

– Да.

– Неплохое, надо еще купить.

– Думаю, не стоит покупать винище пятилитровыми баллонами.

Отец одним махом залил в себя стакан, с удовлетворением вздохнул. Антони уже давно прикончил свою порцию. Он встал.

– Подожди две секунды, – сказал отец.

Антони застыл. Мать начала перекладывать остатки картошки в пластмассовый контейнер. Даже со спины, по одним только движениям было видно, как она нервничает.

– Сегодня хороший фильм по телику.

Он взял программку, чтобы удостовериться, и добавил:

– «Герои Келли». По третьей.

– Не-а, – ответил Антони. – Умираю. Пойду завалюсь в койку.

– Ох уж эта молодежь...

У себя в комнате Антони быстро разделся и нырнул в кровать, даже не приняв душ. Хорошо бы побыстрее заснуть и забыть обо всем. Он потушил свет, закрыл глаза. Слышно было, как на другом конце коридора разговаривают, убирая посуду, родители. Старик, похоже, залил в себя еще стакан. Об этом можно было догадаться по голосу, он говорил теперь быстро, слегка плаксивым тоном. Мать отвечала одними «да» и «нет». В какой-то момент она выставила его из кухни, Антони услышал его чертыхания, потом «Начинается...», и дальше все стихло. Затем в гостиной включили телевизор. Почти сразу он узнал в коридоре шаги матери. Она вошла без стука.

– Ну и что это значит? Что случилось?

Она говорила очень тихо. Антони лежал не реагируя, тогда, прикрыв за собой дверь, она присела к нему на кровать.

– Что с мотоциклом?

Она встряхнула его.

– Антони.

– Не знаю.

– Как это? Что это еще за штучки?

Долго рассказывать. Все так сложно. Антони хотелось спать. Так он ей и сказал.

И тогда мать ударила его. Ее рука со всей силы обрушилась сверху на лицо сына. В комнате с закрытыми ставнями оплеуха прозвучала как выстрел. Антони сел в кровати и схватил мать за запястье, не дожидаясь повтора. В ухе у него гудело.

– Э, ты чего, совсем с ума сошла?!

– Ты понимаешь, что наделал? – проговорила она. – Ты понимаешь?

Голос ее был еле слышен. Она говорила сама с собой. Или, может быть, с Господом Богом.

– А что я? – жалобно проговорил Антони. – Мы вышли, а его нет.

– Да как такое могло случиться? Что нам теперь делать?

В доме раздался сухой звук: то ли балка скрипнула, то ли чьи-то шаги. Мать вся напряглась, резко повернула голову к двери.

– Мам.

Ему пришлось позвать ее еще раз, чтобы вывести из ступора. Она очнулась, взглянула на него огромными потерянными влажными глазами. Руки ее дрожали.

– Прости, мам.

Она быстро вытерла щеки, шмыгнула носом, встала, одернула футболку.

– Что мы будем делать? – спросил Антони.

– Не знаю. Надо найти его. Другого пути нет. – И прежде, чем выйти из комнаты, сказала напоследок: – Иначе этой семье крышка.

7

Антони очень рассчитывал, что кузен поможет ему выпутаться. А зря.

В воскресенье он весь день пытался поймать его, даже заглянул к нему домой, но все без толку. В понедельник – то же самое, кузен оставался таким же неуловимым.

Ничего нового, если подумать. На кузена никогда нельзя было особенно положиться. Но время поджимало, а Антони знал, что одному ему не справиться. Всякий раз, входя в гараж, он констатировал пустоту под брезентовым чехлом и, застыв перед ним, задавался вопросом, что ему лучше сделать: сбежать из дома или застрелиться?

К счастью, мать отыскала старую упаковку «Ксанакса» и, приняв таблетку на ночь, до полудня следующего дня пребывала в прострации. В воскресенье утром, за завтраком она пять минут в нерешительности стояла перед открытым шкафчиком, не помня, что собиралась достать – сухарики или хлеб для тостов. А в понедельник отправилась на работу без линз, а главное – без каблучков. Это ее полукоматозное состояние не ускользнуло от внимания Патрика, но он когда-то уже раз и навсегда решил для себя проблему душевных состояний Элен: она – сложная личность.

В конце концов, во вторник объявился кузен. Антони обнаружил его дома, в ванной, в трусах и по пояс голого. Он только что вылез из-под душа и смазывал волосы гелем.

– Где ты был? Я тебя уже три дня ищу.

– Я был занят.

Антони не мог прийти в себя от удивления. Ну уж это слишком – чтобы человеку настолько было на все наплевать. Кузен спокойно занимался собой. Он почистил зубы, надел

футболку. Потом они поднялись наверх. В комнате у него был идеальный порядок. Кузен включил, как обычно, музыку. Еще не было полудня, рановато для курева. Антони даже не решился сесть. Он ждал, засунув руки в карманы.

– Кончай дуться, – сказал кузен. – Садись.

– Я в дерьме по уши. Не знаю, что делать.

Кузен подстригал у открытого окна ногти. Где-то совсем близко щебетали птицы. Мужик из метеонюостей предрек рекордную жару, но легкий ветерок шевелил занавеску, да и температура оставалась очень даже терпимой. Антони плюхнулся на кровать и уставился в потолок.

– Не увидим мы его больше, твой байк, – помолчав, сказал кузен.

– То есть?

– Все, пропал.

– Куда пропал?

Кузен развел руками, что должно было означать «в дальние края». Есть такие каналы, через Марсель в Алжир и даже дальше. Он видел это в «Праве знать». Твой «Пежо» разбирают в два счета на части, а потом – ищи его в виде отдельных деталей до самого Бамако. Антони вполне верил в такие истории, только вот к отцовскому «YZ» это ни с какого боку не подходило.

– И что, по-твоему, нам делать?

– Не знаю. Ничего не остается, как поговорить с Грандом.

Кузен сдул с подоконника обрезки ногтей, потом повернулся к Антони. С самого начала он только раз взглянул ему прямо в лицо.

– Это ничего не даст. Тебе надо все рассказать отцу, вот и все.

Такого Антони даже представить себе не мог.

Однажды на автостраде, когда отец обгонял грузовик, его «обложил» жирный немецкий седан, подъехавший сзади. Тому приспичило ехать на скорости двести километров в час, и он еще издали начал сигналить фарами, чтобы отец уступил дорогу. Элен с сыном обернулись, чтобы посмотреть. Тачка была и правда крутецкая, черная, красиво так выгнутая, обтекаемой формы, как снаряд. Наверняка «Мерседес» – Антони уже не помнил. Но отец, вместо того чтобы съехать в сторону, снял ногу с педали и специально продолжал рулить на одном уровне с грузовиком. Ни один мускул на его лице не дернулся. Так он продержался не меньше пяти минут. А это немало для «Ланчи» с шестицилиндровым «Мерседесом» на хвосте.

– Патрик, хватит, – сказала тогда мать.

– Заткнись.

Напряжение нарастало, в салоне даже запотели стекла, пришлось приоткрыть окно. Эта история испортила все начало отпуска. А обратно они поехали другой дорогой.

Тогда Антони принялся за кузена всерьез. Он не отставал от него. Ведь это их единственный шанс. В конце концов кузен сдался. Хорошо, они пойдут к Гранду.

Около двух часов дня они встретились у «Завода». Ветер стих, и долина превратилась в настоящее пекло. Воздух казался густым, асфальт плавился. Все было липким. Они уже почти пришли, когда кузен сказал:

– Предупреждаю тебя. Чтоб все было быстро. Я не собираюсь торчать там весь день.

– О'кей.

– Вошли и вышли.

– Ладно.

– И говорить буду я.

Кафе «Завод» находилось напротив Д4, доменной печи, продержавшейся дольше остальных, на улице с двусторонним движением, которая вела напрямиком к кладбищу. Кузен вошел первым. Температура внутри приближалась к тридцати пяти градусам, и парни у стойки бара

словно таяли, растворяясь в интерьере. Их было пятеро. Антони всех знал по именам. Дверь за ними захлопнулась – как будто выстрелила.

– Привет, молодежь, – сказала хозяйка.

Ребята поздоровались в ответ, пока глаза привыкали к полумраку. Три вентилятора с усыпляющим гудением перемалывали воздух. Посетители, потягивая пиво, сидели на табуретах, кроме Руди, расположившегося на дерматиновой банкетке в глубине зала. Странная идея, учитывая, что он был в шортах.

Ребята не слишком резво приблизились к бару. Кто-то взглянул на них из-под набухших век и тут же отвернулся. Кто-то шмыгнул носом. Кто-то кивнул из вежливости. Но в целом обстановка напоминала музей восковых фигур.

– Ну, что новенького? – спросила хозяйка.

– Ничего особенного.

Кузен облокотился о прилавок и наклонился, чтобы ее чмокнуть. Антони стоял на шаг позади. Ему было не по себе, в конце концов он заметил, что Руди разглядывает его со своей банкетки. Он часто дышал, приоткрыв рот, и вид у него был, как всегда, какой-то малахольный. Вихор на макушке только усиливал это впечатление. В этот день на нем была новехонькая футболка «Касторама» прикольного синего цвета. Вдруг Руди заорал:

– Жарко!

– Эй, там! – строго сказала хозяйка.

Руди вздрогнул и отхлебнул пива из кружки. Теперь он смотрел в пустоту, по-прежнему пыхтя как паровоз. Говорили, что у него в детстве был менингит.

– Не обращайтесь внимания, – посоветовала хозяйка.

Затем, обращаясь к Антони, спросила:

– А ты что, гордый стал?

– Нет-нет, – ответил мальчик и тоже чмокнул ее в щеку.

– Как твой отец? У него все хорошо? А то что-то он совсем не заходит.

– Ага, он занят.

– Привет передавай.

– Ага.

– Скажи, что мы всегда рады его видеть.

Вряд ли у них будет такая возможность, учитывая сколько он тут задолжал.

– Ладно, что вам налить, мужики?

– Мы пришли только повидаться с Грандом, – проговорил кузен. – Он здесь?

– Маню? Играет, должно быть, на бильярде в заднем зале.

Она крикнула: «Маню!» С ее акцентом получилось «Ману». Она ведь была родом из Шильтигхейма. Клиенты на это никак не отреагировали. Попивали себе пиво и после очередного глотка снова погружались в свои мысли, скудные и вялые.

Наконец после второго окрика появился Гранд с кием в руке.

– Тут к тебе пришли, – сказала хозяйка.

Но Маню уже сам увидел ребят и поспешил пожать им руки.

– Гляди-ка! – сказал Маню, обнажая зубы какой-то неестественной белизны, при этом все вставные. – Это ты?

– Ага, – сказал кузен.

– Я думал, что ты помер. Что подельываешь?

– Да ничего особенного. Каникулы. Этим все сказано.

– Ах так?

Они обменялись еще парой фраз того же порядка, с явным подтекстом, потом Гранд заказал три пива. Одно время они с кузеном довольно много тусили вместе, у них были общие делишки, но потом все это постепенно рассосалось. Кузен сам спустил на тормозах, потому что

Маню был какой-то странный, опасный, властный и почти всегда под кайфом. Чувствовалось, что между ними есть какие-то сложные финансовые отношения. Закончив с допросом кузена, Маню обернулся к Антони и спросил, как дела у его отца.

- Нормально. В порядке.
- Он нашел работу?
- У него свое дело.
- Какое?
- Он теперь ландшафтник.

Маню оценил эту новость. Кати поставила на прилавок три открытых бутылки «Кро-ненбурга». Капли сверкали на стекле, будто на солнце. Рот у Антони наполнился слюной. Гранд заплатил и раздал бутылки. Они выпили за успех отца. Пивная прохлада пронизала их насквозь. Вокруг стало свежо, зелено, прямо как весной.

- Лучше не бывает, – сказал Маню.
- Его бутылка была уже почти пуста.
- Мы хотели с тобой поговорить, – сказал кузен.
- Ах вот как?

И Гранд расхохотался своим особым твякающим смехом. Сверкая безупречными зубами на влажном лице.

- Может, выйдем? – спросил кузен.
- Нам и здесь хорошо.

Маню уже давно устроил в кафе «Завод» свою штаб-квартиру. Жил он совсем рядом, вот и торчал здесь сутками, играя в бильярд или дартс, а то просто просиживая задницу, выпивая и общаясь с приятелями. Он чувствовал себя как дома, настолько, что даже предложил однажды Кати помочь ей с ремонтом. Та отказалась, несмотря на то что кабак вот уже десять лет мариновался в собственном соку: какой там ремонт или кондишн, ей едва хватало средств на уборку.

Место это было историческое. Постоянные клиенты так и говорили – «Завод», а другие туда не ходили. До пяти вечера там пили тихо, потом начиналось. Каждый становился большим, смешным или злым – в соответствии с характером. Кати неустанно опекала свой контингент. Легавые к ней не заглядывали, потому что она и сама умела справляться с алкашами. Время от времени, под настроение, она ставила диск Джо Дассена, и тогда под толстым слоем макияжа можно было разглядеть юную девчонку, какой она была когда-то.

- Все-таки лучше было бы выйти, – настаивал кузен.
- Лады...

Прежде чем сняться с места, они допили пиво.

- Пока, я скоро, – сказал Маню.

Руди, который наблюдал за сценой и не упустил ни слова, вдруг оживился и, дернув себя за ворот, поднял руки.

- Вы куда?!

И снова он произнес это слишком громко, и снова хозяйка посоветовала ему успокоиться, чтобы не пришлось надираться где-нибудь в другом месте.

- Никуда, – ответил Маню. – Сейчас вернемся.
- А мне с вами можно? – забеспокоился Руди.
- Сиди. Говорю тебе, сейчас вернемся.
- Погодите.

Руди начал отклеиваться от банкетки, что было не просто.

- Я сказал, сиди на месте, – проговорил Гранд. – Без паники, сейчас приду.

Клиенты обрадовались возможности посмотреть бесплатный спектакль, ни на что особенно не надеясь. Маню стоял у двери. Вид у него был довольно нелепый в этих джинсах

в обтяжку и мартенсах на толстой подошве. Прожженная во многих местах футболка «Jack Daniel's» потемнела под мышками. Особенно прикольно смотрелась стрижка – как у футболиста, на макушке волосы длиннее, а на висках – почти ничего. Непонятно было, сколько ему лет. Хозяйка пообещала присмотреть за Руди, который уже опять успокоился.

На улице на Маню с ребятами обрушились потоки света. Гранд так жмурился, что у него было не разглядеть глаз.

– Ну так что у вас за секрет такой?

Кузен хотел уже все выложить, но Гранд поднял руку.

– Слышите?

Перед ними была улица, безлюдная, вся из паршивых кирпичных домишек. Несколько магазинчиков с витринами, покрашенными мелом. На другой стороне высился, позвякивая на жаре, остов доменной печи. Вокруг – целые джунгли ржавого железа, нагромождение труб, кирпичей, крепежа, стальной арматуры, металлических лестниц и переходов, заброшенных ангаров и каких-то будок.

– Ну? – снова спросил Гранд.

И правда, откуда-то издалека с равными промежутками доносились непонятные звуки: «Бом-бам».

– Это что?

– Мальчишки из рогаток стреляют. Совсем крыша поехала. Стальными шариками палят. Там уже настоящее сито. В один прекрасный день все рухнет.

– И никто их не остановит? – спросил кузен.

– А зачем?

Сто лет домны Эйанжа вбирали в себя все, что имелось в этом регионе, заглатывая одним махом людей, время, сырье. С одной стороны по железной дороге подвозили вагонетками горючее и руду. С другой отправляли готовый металл, сначала тоже по рельсам, а потом уже по рекам, большим и маленьким, он медленно растекался по всей Европе.

Ненасытное тело завода продержалось здесь, на перекрестье путей, сколько смогло, на людских треволнениях, его питала целая система труб, которые в свое время были все разобраны и проданы на вес, что оставило в теле города незаживающие кровоточащие раны. Эти фантомные дыры навевали воспоминания, так же как заросшие сорняками цистерны, как выцветшие рекламные плакаты на стенах, как изрешеченные пулями дорожные указатели.

Эта история была хорошо известна Антони. Ему рассказывали ее на протяжении всего детства. Под колошником доменной печи раскаленная до тысячи восьмисот градусов руда превращалась в чугун, и этот неистовый жар был не только причиной многих смертей, но и поводом для немалой гордости. На протяжении шести поколений завод гудел, стонал, горел – даже ночью. Остановка цикла стоила бы бешеных денег, так что проще было вытащить людей из кроватей, оторвать от жен. И вот чем кончилось. От всего этого мира только и осталось, что ржавые остовы, ограда да железные ворота, запертые на маленький висячий замок. В прошлом году на территории организовали вернисаж. Какой-то кандидат в депутаты предложил превратить завод в тематический парк. А мальчишки добивали его своими рогатками.

– Тут недавно пожарники приезжали, – пояснил Гранд. – Один пацан схлопотал себе шариком в висок, чуть коньки не отбросил.

– Да?

– Ага.

– И что?

– Не знаю, я же газет не читаю.

– А кто это был?

– Да один из этих чудиков из Энникура. Хреново ему пришлось, думаю.

– Да ладно, такие не помирают. Наверняка выкабался.

Но Маню не оценил этого сарказма, обычного, когда речь заходила о «головастиках». Его отец отрубил на «Металоре» с самой школы и до несчастного случая. Дяди тоже провели там всю жизнь. И дед. То же можно было сказать и про Казати, и про половину семей из долины. Он снова заговорил бесцветным голосом:

– Ладно, парни. Чего вы хотите?

– Буали.

– Что Буали?

– Ты их знаешь. Ты же со всеми по корешам, да?

– Ничего я не знаю. И с этими людьми никогда не имел дела. В чем проблема-то?

Кузен пояснил в двух словах. Про тусовку, про то, как туда заявился Хасин. Про пропажу мотоцикла. Про их подозрения. Услышав про байк, Гранд восхищенно присвистнул.

– Вот как узнает твой папаша...

– Ты точно не можешь с ними поговорить?

– И что я им скажу? Вы же даже не уверены, что это они.

После этих слов вся затея показалась им абсолютно бессмысленной. Кузен еще побарахтался для вида, потом разговор сам собой сошел на нет. Снова стало слышно, как гудит под ударами металлических шариков завод. Приставив ладонь козырьком ко лбу, Гранд пытался что-то разглядеть. Потом снова повернулся к ним.

– Ладно. Угощу-ка я вас. Так-то лучше будет.

Ребята подумали, что он поставит им еще по пиву в «Заводе», но вместо этого он повел их к себе. Жил он совсем рядом. По направлению к кладбищу. Отказаться ребята не посмели.

По дороге Антони все думал о тех пацанах-полуидиотах, которые добивали завод. Они жили в крошечных поселках, сгрудившихся вдоль пустых дорог с разваливающимися старыми фермами, заброшенными почтовыми отделениями и старой рекламой моющих средств на стенах. Неизвестно почему, но все, кто жил в этих местах, были похожи друг на друга, у всех были непропорционально большие головы, стрижка под ноль и оттопыренные уши. Зимой их было не видно, но как только наступали хорошие денечки, они объявлялись в городе на своих переделанных тачках и тархтящих мопедах. В центре они ходили по стенке, но в привычной для них обстановке это было нечто. Рассказывали, что они едят собачатину, даже ежей. В начальной школе Антони общался кое с кем из этих. Жереми Югно, Люси Крепер, Фред Картон. В общем-то, неплохие ребята, но уже обозленные, задиры и драчуны. После начальной школы их больше не видели. Видимо, до совершеннолетия их держали где-то в спецучреждениях. Потом они жили маргинальной жизнью на пособия, подворовывали, спали кто с кем, невзирая на родство, лупили друг друга и время от времени производили на свет какого-нибудь отморозка, наводившего страх на всю округу.

Маню жил под самой крышей, и там было еще жарче, чем в кабаке.

– Устраивайтесь, – сказал Гранд, указывая на раскладной диван.

Затем распахнул настежь окна. Ребята уже обливались потом.

На полу в корзине спал какой-то бобик, тяжело дыша во сне. На выступавших из стен балках валялось несколько книжек в мягких обложках, африканские безделушки, в углу висел «ловец снов». Больше в комнате ничего особенного не было, большое оранжевое кресло да постер фильма «Подземка» на стене. Одна кнопка выпала, и верхний правый угол постера загнулся вниз.

Маню отошел к кухонному уголку и вернулся оттуда с упаковкой пивных банок из «Альди». Это была «Пятидесятка», та еще моча, но из холодильника. Он взял себе одну банку, оставив весь пакет на низком столике, и опустился в кресло.

– Пейте, пока холодное.

Ребята послушались. Пиво было ледяное. Блеск!

Поставив банку на стол, Маню развернул кресло, чтобы почесать за ухом собачонку, по-прежнему спавшую в корзинке. Это была маленькая рыжая с черным дворняжка с острой мордочкой. От его прикосновения песик вздохнул, и Маню налил ему немного пива в плошку.

– Хочешь выпить?

Он поднес посудину к песику, тот с сомнением приоткрыл глаз, лакнул два-три раза, и голова его снова упала на дно корзинки.

– Бедная псина. Дрыхнет целыми днями от этой жары.

Затем он включил музыкальный центр. Какой-то тип запел «Я прекрасно могу без тебя обойтись». Это было то что надо, и Маню прибавил звук.

– А у тебя клево, – сказал кузен. – Я и не знал, что ты разъезжал по свету.

– Еще чего! Три четверти этих штучек куплены в Сент-Уэне. Одно время я без конца туда мотался. Чуваки сплавляли мне всякое дерьмо тоннами.

Маню сделал большой глоток и аккуратно поставил банку обратно на мокрый кружок, оставленный ею на столике.

– Ну да, мне здесь удобно. Для дочки есть комната. От центра недалеко. Но мне на это плевать. Только вот летом от жары подохнуть можно.

Кузенам было страшно неудобно: раскладной диван, на котором они сидели, оказался жестким, как деревяшка. Гранд попивал пиво, с явным удовольствием наблюдая их муки.

– Вы в порядке?

– Ага.

Потом, вдруг посерьезнев, он наклонился к ним:

– Знаете, из этих Буали я знал главным образом кузенов, когда работал в «Эскаль». С Саидом мы вместе сидели. Ну перекинулись парой слов раз-другой, вот и все. А с малышней – вообще ничего. Я же теперь тихо сижу.

Не переставая говорить, он принялся шарить под столиком. Там были кучей навалены фильмы, журналы, упаковки из-под жратвы, детский рожок с прокисшим молоком на дне. Кузены переглянулись. Они уже жалели, что пришли.

– А, вот!

Маню нашел что искал – металлическую коробочку из-под резиновых заплаток для шин. Он открыл ее, и на столик выпали два грамма кокса, комковатого, с розовым оттенком. Антони раньше никогда его не видел. Во рту у него пересохло. Маню уже готовил три ровные дорожки. Для этого он использовал игральную карту – восьмерку бубен.

– Эй, Маню, мы не будем. Это реально круто, но нам надо идти.

Пес открыл наконец пасть и зевнул. Увидев, чем занимается хозяин, он вскочил и весело отряхнулся. Сердце у Антони захлестнуло жалость. Собачонка стояла на трех лапах, четвертая была лишь почерневшим обрубок. Он смотрел, как песик скачет вокруг хозяина. Тот смочил палец, взял немного кокса и подставил псу, который жадно всё слизал. И даже залаял. Маню засмеялся, призывая кузенов в свидетели.

– Умора, а?

– Ага, – проговорил Антони.

– Серьезно, Маню, – снова попытался возражать кузен. – Мы пойдем. У меня еще дело есть.

– Да ладно вам. Смотрите, даже пес это употребляет.

Гранд свернул в трубочку стикер для заметок и вдохнул свою дорожку кокса. Сантиметров десять, не меньше.

– Теперь вы.

Он протянул стикер Антони. С того буквально текло.

– Погоди, – сказал кузен, – мы...

– Ну, задолбали.

Тем временем дворняжка, рыча, со страшной скоростью крутилась в корзинке в надежде ухватить себя за хвост.

– Вот сукин сын! – воскликнул Маню.

Он ржал, песик крутился все быстрее, ребята не верили своим глазам.

– Ладно, успокойся, – сказал Гранд. – Оп! – Он звонко шлепнул пса по заднице, тот заскулил и улегся. – Каждый раз одно и то же. Просит попробовать, а потом превращается в полного придурка.

Он вернулся к гостям, несколько раз шмыгнул носом, улыбнулся, демонстрируя свои синтетические зубы. Антони показалось, что эта физиономия что-то ему напоминает. Ну да, Верховный Инка из «Семи хрустальных шариков»⁹.

– Блин, ну жара!

Маню скинул футболку и запустил ею в угол. Без нее он оказался тощим, как вобла. Даже в сидячем положении на брюхе не было видно ни одной складки. Он снова с неумолимой настойчивостью подъехал к Антони:

– Ладно, давай, поехали. Пора, приятель. Ну! Вдыхай, быстро, одним махом – рррраз!

Антони опустил на колени перед столом. По лбу у него струился пот, грудь сдавило: вот-вот отрубится!

– Вот увидишь: тебе сразу станет хорошо.

Мальчик вставил трубочку в нос, с силой втянул в себя воздух. Когда он снова выпрямился, страх исчез. Дело сделано. Он даже гордился собой.

– Эге! – сказал Гранд. – Ну как?!

Антони часто моргал. Он ничего не чувствовал, только раздражение слизистой носа. Он сопел. Потом ущипнул себя за нос большим и указательным пальцами. Улыбнулся. Провел кончиком языка по губам.

– Во блин.

Гранд прыснул со смеху.

– Видал?!

Паренек не сумел бы описать свое состояние. Ничего общего с бухаловом или косяками. Он чувствовал себя хозяином своей судьбы, тонким, острым, как скальпель. Сейчас он смог бы сдать выпускные экстерном. И Стеф вдруг стала казаться ему невероятно доступной.

Кузен тоже проделал все что надо. Когда он поднял голову, на лице его сияла улыбка. Все изменилось, ребята очутились где-то в другом месте, очень даже неплохо, надо сказать. И это было чертовски приятно.

И тут понеслось.

Маню сделал еще три дорожки, потом достал бутылку пастиса и разлил его в большие стаканы со льдом. Антони все говорил-говорил-говорил со страшной скоростью о смысле жизни, о коксе, благодарил Гранда, он так рад, что он здесь, правда, это круто, он с удовольствием повторил бы, решил он сказать. Не переставая болтать, он наслаждался ясностью своей речи, точностью – до миллиметра – формулировок, невероятной быстротой мыслей. Разговор казался ему чем-то вроде катания на коньках. Феноменальное ощущение скорости, особенно на поворотах.

Вскоре Антони скинул футболку. Кузен скрипел зубами. В конце концов и он остался по пояс голым. Маню захотел дать им послушать одну вещь. Он долго искал ее, щелкая клавишами на своем музыкальном центре, нажимая то на перемотку, то на «Play». На самом деле он искал одну композицию Дженис Джоплин, где она умоляла Бога подарить ей «Мерседес-Бенц», но она была где-то на другой кассете, и в конце концов он бросил это дело. В какой-то момент

⁹ «Семь хрустальных шариков» – тринадцатый альбом из серии комиксов «Приключения Тинтина», созданных бельгийским иллюстратором Эрже.

Антони взглянул на часы и удивился, увидев, что было только три с минутами. Ему-то казалось, что они тут уже черт знает сколько торчат. Пес снова уснул. Антони спросил, что у него с лапой.

Маню, вдруг помрачнев, уселся в кресло и принялся прижигать окурком выющиеся волоски у себя на пупке. В комнате противно запахло паленым.

– Несчастный случай.

– Машина?

– Нет. Один придурок на тусовке. Пес уснул на диване. А тот идиот уселся на него.

– О, черт...

– Сломал ему лапу в четырех местах. Мне никто ничего не сказал. Пока я понял, в чем дело, время ушло. Пришлось резать.

– Ужас...

– Он несколько часов скулил, бедный зверь. Никто даже задницу не приподнял.

Он курил, так глубоко затягиваясь, что слышно было потрескивание табака в сигарете. От его рассказа все переменялось. Присутствие бедной псинки как будто мешало им наслаждаться жизнью. Голова у Антони отяжелела. Он увидел, как кузен снова натягивает футболку.

– Тебе правда хочется получить назад свой байк?

– Чего?

Гранд не сразу ответил, наслаждаясь произведенным эффектом. Он еще раз глубоко затянулся, втянув щеки и вращая круглым глазом. Ворон.

– Байк твой. Если это правда Хасин его стырил, выбор у тебя, прямо скажем, небольшой, приятель.

Он встал и прошел на кухню. Ребята услышали, как он роется под раковиной. Когда он вернулся, покачиваясь и то и дело опираясь плечом о стенку, в руках у него был пакет. Он бросил его в их направлении, но не рассчитал, и пакет тяжело грохнулся на пол.

– Давай. Смотри.

– Это что? – проговорил кузен.

– А ты как думаешь?

Форма пакета действительно не оставляла больших сомнений относительно его содержания.

– Ну, давайте.

Антони встал, поднял сверток с пола, развернул старую газету. Под ней оказалась еще тряпка, в которую был завернут пистолет. Это был «МАС 50». Он взял его обеими руками и стал рассматривать. Красота. Просто супер.

– Он заряжен, – сказал Маню.

Пушка и правда впечатляла – своей массивностью, размером вкрученных в ручку винтов, ощущением надежности и, если уж на то пошло, своей рудиментарностью. Антони провел пальцем по канавкам выбрасывателя. Кузен встал, подошел посмотреть и тоже потрогал пистолет.

– Покажи.

Антони нехотя отдал ему игрушку.

– Тяжелый.

Гранд снова уселся в кресло и курил очередную сигарету. Казалось, что ему вот-вот станет худо. Он попытался улыбнуться и небрежным жестом стряхнул пепел в пустоту.

– Хорошая штука. Знайте мою доброту.

Кузен положил пистолет обратно на столик. Антони жалел, что сам не прихватил его. Ему хотелось этого просто до чесотки. Интересно, каково это, когда у тебя есть такая хреновина. Такая дополнительная возможность в руках.

– Мы пойдем, – проговорил кузен.

– Да? И куда это ты пойдешь?

– Ладно, Маню...

У Гранда под глазом бешено билась жилка. Одним щелчком он запустил окурочек через всю комнату.

– Ну ты наглый, сучонок...

Кузен знаком велел Антони пробираться за ним к выходу.

– Приперся ко мне, пьешь мое пиво, нюхаешь мой кокс на халяву. Ты вообще, что о себе думаешь? А?

– Слушай, – сказал кузен, умиротворяюще подняв руки, – все было клево, но нам надо идти.

– Никуда ты не пойдешь, слышь, ты?

Тут Гранда скрутил приступ тошноты, сдавил где-то за грудиной, огнем обжег пищевод. Какое-то время он пытался пересилить боль, уткнувшись подбородком в грудь и закрыв глаза. Когда он снова открыл их, зрачки его были расширены так, что казались черными озерами, бесстрастными, бездонными. Антони заколотило. Пушка лежала между ними на низком столике. Гранд нагнулся и взял ее в руки.

– Теперь убирайтесь.

Он держал пистолет со странным презрением, между широко расставленными ногами, изогнув запястье.

– Ты в порядке? – спросил кузен.

Маню был мертвенно-бледен, тяжелые капли пота катились у него по вискам. Он шмыгнул носом.

– Мотай, говорю, отсюда.

Когда Антони проходил мимо него, Гранд остановил его, ухватив тощей клешней за предплечье. Рука была горячая как огонь, Антони стало противно. Ему подумалось о СПИДе. Он знал, что через кожу его не подхватишь, об этом все время твердили по телику. Но он все равно подумал, и, когда высвобождался, по спине у него пробежал холодок.

– Иди, иди, сучонок...

Кузены вышли, хлопнув дверью. На лестничной площадке было прохладно. Они со всех ног бросились вниз по лестнице. Антони все думал, что же такое случилось с тем типом, который уселся на песика.

8

Ребята вернулись пешком сначала через центр, потом через Блон-Шан. Остаточное опьянение сократило расстояние, и они не заметили, как проделали этот неблизкий путь. Жара тем не менее не спадала, город наваливался на них всем своим весом, с запахами плавящегося асфальта, сухой пыли, медленно погружаясь в вечер.

Антони шагал чуть позади, он молчал, его раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, он был рад, что попробовал кокса у Гранда, все же это было круто. Правда – он готов был кричать об этом со всех крыш. С другой стороны, его проблемы так и оставались нерешенными. А кузен широко шагал впереди и ничего не говорил. Что он там думает? Дуется на него или что? Ох уж эта внутренняя жизнь, ничего-то с ней не понятно.

– Эй! Слушай, что я такого сделал? Нет, серьезно? Ты что, дуешься или как?

Вместо ответа кузен только прибавил шагу, так что Антони пришлось перейти на рысь, чтобы не отстать. Ничего хорошего, учитывая, что этот парень только что нюхал кокс, как какой-нибудь Роллинг Стоун.

– Подожди! Блин, подожди меня!

Они начали подниматься по улице Клеман-Адер, и тут его настроение резко изменилось. На него снова навалилась эта неясная тревога, ему ничего не хотелось, он чувствовал, что

это никогда не кончится – зависимость, детство, необходимость отчитываться перед кем-то. Временами ему бывало так хреново, что в голову приходили разные радикальные идеи. В кино у людей симметричные лица, шмотки по размеру, часто – свои средства передвижения. Ему же приходилось жить по принципу «за неимением лучшего»: в школе – полный ноль, ходит пешком, телку закадрить не может, даже выглядеть по-человечески не умеет.

Подойдя к дому кузена, он, по крайней мере, с удовлетворением увидел, что его велик на месте, стоит себе у стенки, там, где он его и оставил. Время было как раз то, когда открывается второе дыхание, между тремя и пятью часами. Кузен не пригласил его зайти. Но Антони так уходить не собирался.

– Так в чем проблема-то?

– Ты должен рассказать отцу. Все. Точка.

– Да не могу я!

– Заладил! Чего ты хочешь? Идти добывать его с пушкой?

Кузен произнес это со злой насмешкой. Никогда еще разница в возрасте не ощущалась между ними так сильно.

– Все, пока... – сказал кузен и вошел в дом.

Антони остался один. Вокруг него высились дома квартала, убийственно одинаковые, типовые, с высохшими деревьями, заборами в человеческий рост. На тротуаре дети написали мелом свои имена. Из почтовых ящиков торчали рекламные проспекты.

В конце концов он поднялся на три ступеньки до входа и тоже вошел в дом. Кузен не успел далеко уйти, мать поймала его еще в коридоре. Как обычно, телевизор орал на всю катушку.

Антони прошел дальше, и, увидев его в проеме двери, Ирен все же немного убавила звук.

– Ой, ну у тебя и видок, – сказала она. Она лежала на диване с пультом в руке. На экране американский детектив ехал в Санта-Монику, маленькая гостиная с закрытыми ставнями сверкала калифорнийскими красками. – Что-то случилось? Вы что, поссорились?

Ребята не реагировали. Вообще-то лучше было не лить воду на мельницу Ирен, слишком уж ее настроение зависело от таблеток, которые она принимала в данный момент. Она стала говорить все, что приходило ей в голову. Для начала, где ее дочь? Та должна ее покрасить. Кузен не знал. Потом в ход пошла ссора, проблемы с соседями, колопатия, белье, глаженье, телевизор – все, короче. Время от времени она возвращалась к главной теме своей жизни: «моя депрессия», говорила она. Она произносила это таким тоном, как будто это была «моя дочь» или «моя собачка». Она жила с этой болезнью уже много лет и давно уже сроднилась с ней. Бывший работодатель цеплялся к ней из-за этого. После того как она целый год не ходила на работу, этот мерзавец хотел ее уволить. Правда, теперь ее это уже не волновало. Врач успокоил ее. В худшем случае ей придется обратиться в трудовую инспекцию. Вместе с тем она понимала своего начальника. Ему же надо, чтобы контора как-то работала. Да ладно, эти сволочи прекрасно делают денежки за счет таких, как она, не ей их жалеть.

Тут на экране что-то произошло, она сделала громче и забыла о них. Все, разговор окончен. Воспользовавшись этим, кузен поднялся наверх. Антони пошел за ним.

Как подумаешь, какой тетушка была раньше... Чудно... Когда он был маленьким, она работала бухгалтером в одной транспортной фирме, специализировавшейся на свежих продуктах. Всякий раз, приходя к ним в гости, она тащила с собой кучу баночек от «Данона»: десертный крем, шоколадный мусс, йогурты. Просроченные, но самую малость. В ту пору она гуляла с тем бородатым типом, Брюно, дальнобойщиком. Мать часто приглашала их с детьми. Каждый раз это был настоящий праздник. Ужин затягивался за полночь, и Антони всегда в конце концов засыпал на диване, убаюканный голосами беседовавших взрослых. Отец доставал настойки. Слова «слива» и «алыча» были надписаны синими чернилами на этикетках, вырезанных из школьной тетрадки. Аромат «Голуаз», мужчины снимают табачные крошки с кон-

чика языка. Анекдоты. Женщины судачат о чем-то на кухне. Закипающий в час ночи кофейник. Руки отца, относящего его в постель.

Однажды, когда они были вдвоем в комнате, кузен вдруг достал маленький занятный каталог, надписанный «Рене Шато», там было полно фоток девиц, совершенно голых. Они украдкой разглядывали его при закрытой двери, но Карин стала клянчить, чтобы ей тоже показали, иначе она грозилась все рассказать взрослым. Антони было десять лет, кузену двенадцать. Листая каталог, они делали вид, что все это их не так уж и удивляет, но вот волосы между ног вызвали у них сомнение. Карин показала им. У нее самой волос там не было, только четкая щель посередине, с которой хотелось разобраться поближе. Антони тоже пришлось спустить штаны. Давно это было.

Ребята не просидели и десяти минут в комнате кузена – молча, как враги, обоим было не по себе, – как у входной двери внизу позвонили. Это было непривычно: к Мужелям мало кто ходил, кроме Антони и Ванессы. А они не звонили. Кузен высунулся в окно и сказал пришедшим, чтобы заходили.

– Кто это? – спросил Антони.

На лестнице послышались шаги. Кузен, надувшись, делал вид, что прибирается в комнате. Антони переспросил:

– Нет, слушай, кто это?

Кузен вздохнул.

– Тебе нельзя здесь оставаться. Иди давай.

На пороге появилась Клеманс, а следом за ней – Стеф. Антони машинально поднес два пальца к своему печальному глазу. Что за бред?

– Привет, – сказала Клем.

Волосы у нее были зачесаны наверх и собраны в пучок, глаза подведены черной тушью, она распространяла вокруг сладкий аромат, как сахарная вата. Что касается Стеф, то она была явно не в духе. Теперь, когда их стало четверо, комната показалась просто крошечной и особенно жалкой. Кузен, от взора которого это не ускользнуло, взбил подушку, чтобы придать ей немного объема, спрятал тянувшиеся по полу провода. Клеманс подошла к нему, и они поцеловались, вытянув губы трубочкой. Антони так и сел: какая-то попса, а не поцелуй. Он повернулся к Стеф.

– И чего? – сказала она.

Да ничего. Голубки уселись на подоконнике. Их силуэты четко вырисовывались на фоне сверкающего за окном дня. Оба молодые и красивые до ужаса.

Последовавшие за этим пять минут были довольно мучительны. Стеф не проявляла никакой инициативы, Антони не решался что-то предпринять, а той парочке больше всего хотелось остаться наедине. Эта сложная дипломатическая ситуация выражалась в напряженном молчании, всяческом избегании общения и вздохах, испускаемых Стеф. В конце концов кузен взял Клеманс за руку, чтобы вывести из комнаты.

– Куда это вы? – ворчливым тоном спросила Стеф.

– Мы сейчас.

– Вы что, смеетесь?

– Сейчас вернемся. Сверните пока косячок.

Парочка скрылась, и Антони остался один на один со Стеф. Это было так кайфово, неожиданно, просто отпад. Он снова поднес пальцы к правому глазу.

Стеф тем временем принялась разглядывать видеокассеты на полках. Нагнувшись, она читала названия. Время от времени разочарованно поднимала бровь. На левом плече у нее из-под очень короткого рукава футболки выглядывал шрамик от БЦЖ. Антони достаточно было протянуть руку, чтобы его потрогать. Она выглядела совсем девочкой в этом комбинезоне с

шортами: округлые икры, складочка на шее, завитушки на затылке. Она подняла с пола какой-то журнал и начала обмахиваться. От жары на ее коже проступили влажные отблески. Она была небрежна и медлительна. Типа тех, кто ест руками, а потом облизывает пальцы. Она упала на кровать и, приподнявшись на локтях, положила ногу на ногу. Правая ступня ее болталась в воздухе, с нее упала кеда. Антони заметил, что ее бедра, прижимаясь к одеялу, начинали выглядеть иначе, они казались толще, чем до того, и были испещрены маленькими ямками, что его очень волновало.

– Эй! – проговорила Стеф, заметив его взгляд.

Мальчик вспыхнул и почесал в затылке. Он сказал, что сейчас свернет косяк.

– А его мать? – спросила девушка.

– Ничего не будет. Она сюда никогда не поднимается.

– Точно?

– Говорю тебе. Ничего не будет.

Его ответ не слишком убедил ее. Антони нашел в маленьком секретере бумагу и травку и занялся делом. Тут бы ему и рассказать о своем походе к Маню. Самый верный способ доказать ей, что он настоящий мужик. Так ему казалось. Но у Стеф были другие заботы.

– А что его мать? Она не работает?

Антони не знал, что ответить.

– У нее проблемы со здоровьем.

– Типа?

– Сердце.

Это был дежурный ответ, и Стеф он устроил. Антони как раз закончил сворачивать самокрутку. Он протянул ее Стеф.

– Держи.

– Да ладно, не надо...

Честно говоря, Стеф не понимала, зачем подруга затащила ее сюда. Какая-то дрянная халупа. Сколько их тут может жить? К тому же тут пахло псиной, а ковер-то, ковер на полу – жуть! А главное, эта ненормальная, там внизу, которая открыла им дверь. Сначала спросила, есть ли им восемнадцать лет, а потом сама же стрельнула у них сигарету. Ничего себе!

После первой же затяжки во рту у Антони стало сухо и как-то вязко, он пожалел, что вообще предложил свернуть эту чертову самокрутку. В то же время вряд ли ему светило в ближайшие минуты целоваться со Стеф. По некоторым деталям, как, например, этот браслет, манера держаться, чистые волосы, качество кожи, он догадывался, что у нее внутри скрывается целый мир, недоступный и огромный. Он смутно представлял его себе, с завистью думая о каких-то домах летом, о семейных фото, о раскрытой книжке на шезлонге, большой собаке под вишней, такое вот счастье в чистом виде, которое он видел в глянцевах журналах у дантиста. Нет, этой девчонки ему не видать как собственных ушей.

– Ты не знаешь, они давно встречаются?

– Не знаю, – отозвалась Стеф. – В любом случае, мне наплевать.

Он снова протянул ей самокрутку.

– Я же тебе уже сказала – нет. Слишком жарко. Противно.

Увидев, какое действие произвели ее слова, Стеф почти пожалела, что высказалась так резко. Какой все-таки смешной этот мальчишка со своим прикрытым глазом. Это отвлекало ее от Симона. При одной мысли о нем ей становилось плохо. Она ухватилась за эту возможность снова насладиться своей любовной неудачей, вывалиться как следует в разочаровании, подогреть на медленном огне душевную боль. В сущности, она целый день ни о чем другом и не думала бы. Впрочем, приблизительно этим она и занималась. Антони прервал ее:

– Ну, что они там делают?

– А ты как думаешь?

- Не понимаю, почему он мне ничего не сказал.
- Клем все время меня вот так кидает.
- То есть?
- Ну не знаю... К примеру, вот что я сейчас тут делаю? Если честно?
- Понятно, – согласился мальчик.

Эта искренность рассмешила Стеф. Она сбросила кеды на пол и уселась по-турецки на кровати. Ее конский хвост реально мучил Антони.

- Ну ладно, давай сюда эту хрень, – сказала девушка, показывая на самокрутку.

Она снова зажгла ее и сделала подряд три затяжки. После чего обстановка довольно ошутимо разрядилась. Стеф валялась на кровати, уставив глаза в потолок. Антони мог разглядывать ее ноги, светлый пушок на ляжках, четкие очертания голени. Высоко-высоко, уже почти на бедре, виднелся синяк, окрашенный во все цвета радуги. Ее правая рука с зажатой между большим и средним пальцами дымящейся самокруткой болталась в воздухе.

- У тебя есть подружка?

Застигнутый врасплох Антони ответил, что да. Стеф повернулась, чтобы по его лицу определить, правда ли это, и насмешливо улыбнулась.

- Что? – спросил мальчик.
- Тебе сколько лет-то?
- Пятнадцать, – соврал Антони.
- Ты хоть целовался уже с девчонкой?
- Да.
- И как ты это делаешь?
- То есть?
- Ну, языком в какую сторону вращаешь?

Споры по этому поводу очень занимали Антони в прошлом учебном году. Мнения расходились. Ему тем не менее удалось выработать свою позицию, примкнув к большинству. Так что он ответил, что это надо делать по часовой стрелке.

На лице у девушки промелькнула шаловливая улыбка, Антони насупился.

- А у тебя? – спросил он, помолчав.
- Что – у меня?
- У тебя есть друг?

Стеф вздохнула. Вопрос был сложный, она предпочитала не говорить об этом. Но тут же заговорила, долго и многословно. Таким образом Антони стало известно, что жил на свете один классный парень, который плохо поступил, но, несмотря ни на что, оставался таким же классным. Он то хотел быть с ней, то вел себя так, как будто Стеф вообще не существует. В чем-то она могла его понять. Он – сложный. Кстати, он читал Камю и «Синюю траву»¹⁰. Но как бы там ни было, она от него была просто без ума. Антони очень скоро пожалел о своем любопытстве. Кончилось тем, что он забрал у нее самокрутку и тем и утешился. Стеф тем временем продолжала свой монолог, радуясь возможности разбередить свою рану на глазах у чужого человека. Пока она говорила, Антони мог сколько угодно ее разглядывать. Он видел, как приподнимается ее грудь, так что под футболкой угадывался рельеф бюстгалтера. Она вытянула ноги во всю длину, скрестив ступни. Эта поза четко обозначила треугольник внизу ее живота. Через какое-то время она замолчала. Антони заметил, что она слегка раскачивается, опираясь на попу. Ему безумно хотелось до нее дотронуться. Он спустился вниз, чтобы принести чего-нибудь попить.

Он выковыривал из формочек лед для кока-колы, когда в кухню вкатилась тетя.

¹⁰ «Дневник Алисы» или «Синяя трава. Дневник пятнадцатилетней наркоманки» – спорная книга 1971 года. Написана в форме дневника девочки-подростка, ставшей наркоманкой.

– Что это за девицы?

Три кусочка льда разбились о кафельный пол и разлетелись по всей кухне.

– Блин! Ты меня испугала.

– Кто это? Я этих девочек не знаю.

– Просто знакомые.

Антони устранял последствия аварии бумажным полотенцем. Тетя с пультом от телевизора в руках флегматично наблюдала за его действиями.

– И откуда они?

– То есть?

– Они приходят, чтобы накачиваться наркотиками?

– Да нет же. Говорю, это просто знакомые.

Он поставил формочку для льда обратно в морозилку, взял банки и собрался было подняться обратно. Но тетя встала наискосок в проеме двери и, опершись плечом о косяк, преградила ему дорогу, лукаво на него поглядывая.

– А эта толстая, что ли, твоя?

– Она не толстая, – сказал Антони.

Лед с тихим звоном таял в стаканах. Мальчик чувствовал, как холод постепенно пронизывает его руки. Ему было не по себе и, как обычно в такие минуты, немного хотелось писать.

– Ну ладно, в любом случае, ей надо следить за тем, что она ест. А где они живут, эти знакомые?

– Понятия не имею.

– А вообще-то они хорошенькие. Скажи, чтобы здоровались в следующий раз.

После этого Антони и Стеф не долго уже оставались наедине. Вернулась та парочка, свежие, как два розанчика, даже волосы не растрепались. Интересно все же, чем они могли все это время заниматься? Потом девчонки уехали, как и приехали, – на своем скутере. Перед тем как тронуться, Клем помахала рукой. Стеф даже не оглянулась.

9

Утром в четверг Элен встала рано. Сын в конце концов рассказал ей историю с байком во всех подробностях. Она вертела и так, и этак. И приняла решение. Она пошла в комнату Антони, распахнула настежь окно и ставни и присела к нему на край кровати. Снаружи доносился птичий щебет, дальше – шум автострады. День обещал быть прекрасным. Она долго думала, что и как сказать. Ей казалось, что от основательности подобранных ею слов зависит все будущее их семьи.

– Мы пойдем к тому парню. Я поговорю с его отцом. Я поговорю с твоим приятелем. Уверена, что все можно уладить.

– С ума сошла, – сказал Антони.

Он попытался разубедить ее, но все было зря. Если она что-то вбила себе в голову, тут уже ничего нельзя было сделать. Она ушла на работу вовремя, приодевшись, на пятисантиметровых каблуках, с голубыми тенями на веках. Теперь, когда решение было принято, ее тревога почти совсем улетучилась. Все утро Антони мысленно пережевывал это дело, выдавливая черные точки перед зеркалом в ванной. Она зашла за ним, как было условлено, в середине дня. За всю дорогу он не раскрыл рта. Десять раз он пытался объяснить ей, что разговоры с этими людьми ни к чему не приведут. Элен считала иначе. Они поговорят как взрослые люди, все будет хорошо. Она верила в это. Правда, не настолько, чтобы парковаться у входа в многоэтажки. Конец пути они прошли пешком.

Зона первоочередной застройки, где жила семья Буали, не представляла из себя ничего особенного. Она не была похожа на эти огромные спальные районы, целые лабиринты бетонных башен, вроде Сарсея или Мант-ла-Жоли. В ней насчитывалось не больше десятка блоков, не слишком высоких, расположенных в шахматном порядке, если смотреть на них с неба. Плюс три дома повыше, по пятнадцать этажей, в том числе знаменитая башня Мане.

За последние несколько лет население этой зоны, выстроенной в «Славное тридцатилетие»¹¹, заметно поубавилось, и оставшиеся жильцы сочли вполне естественным расширить свои владения за счет пустовавших квартир. Таким образом, насильственным путем образовались чудесные пятикомнатные квартирki. Две кухни, две ваннe комнаты и по комнате на каждого ребенка. Квартирная плата оставалась та же самая. В управлении социального жилья эти вольности с недвижимостью как бы не замечали. Все равно с этими многоэтажками ничего не сделать. За параболическими антеннами и сохнувшим бельем проглядывала растрескавшаяся штукатурка, ржавые балконы, протекающие водосточные трубы, украшавшие фасады коричневыми разводами. Кто мог, давно уже уехали, кто в Люксембург, кто поближе к Парижу, а те, кто получал какие-то пособия, – на родину. Самым везучим ценой двадцатилетних самоограничений удалось построить себе домик за городом. В сущности, эти обшарпанные дома олицетворяли собой крах целого мира и их архитекторов. Скоро они рухнут, и это будет вовсе не так красиво, как показывают иногда по телевизору. Их разнесут бульдозером, одну стену за другой, по методике, заимствованной у насекомых. Распотрошат, и будут они стоять с вывернутыми наружу обоями в цветочек, перилами из железа и пластика, раскрытыми стенными шкафами – как в Лондоне после немецких бомбежек. Две недели – и готово. Пятьдесят лет жизни обернутся строительным мусором. Скорее бы, думали разработчики плана новой застройки. А пока в этих домах все еще потихоньку копошились старые семьи, поселившиеся там лет тридцать назад, не меньше.

Прежде чем войти, Антони с матерью помедлили немного под аркадами башни Пикассо, стоявшей напротив башни Сезанна. Мальчику хотелось писать и помыть руки. Линия жизни и линия успеха на его ладонях были черными от грязи. Он чувствовал себя потным и раздувшимся, как шар.

– Хватит так дергаться, – сказала мать.

– Я писать хочу.

– Я тоже. Терпи.

Для храбрости она сунула в рот «тик-так».

– Пошли. К бою!

Антони застонал, но она уже шла через улицу. Было три часа с минутами. Чуть дальше, справа, играли на детской площадке дети, раскачиваясь на пандах с пружинами вместо лап. Изнуренные матери наблюдали за ними, сидя на скамейках. Некоторые трясли коляски, в которых спали младенцы. Перейдя улицу, Антони с матерью взглянули в ту сторону и увидели, как мимо прошли высокая брюнетка на платформах и мальчик с рюкзаком на спине. Похоже, воры.

В холле и мать, и сына удивила исходившая от бетона прохлада. Они стали подниматься по лестнице. Вокруг стояла полная тишина. С каждым шагом их подошвы производили противный скрип, отдававшийся по всей лестничной клетке. На четвертом этаже они остановились и стали читать фамилии на звонках. Семья Буали жила в первой квартире справа.

– Ну что?

– Давай.

¹¹ «Славное тридцатилетие» – термин, введенный Жаном Фурастье в 1979 году по аналогии с «Тремя славными днями» 27–29 июля Июльской революции 1830 года для обозначения периода с 1946 по 1975 год, когда в развитых капиталистических странах произошли столь значительные экономические и социальные изменения, что там сформировалось общество потребления (во Франции уровень жизни стал одним из самых высоких в мире).

Мать нажала кнопку, и громкий трезвон поднялся по этажам до самого верха. В этой могильной тишине можно было подумать, что весь дом внезапно покрылся гусиной кожей.

– Все, хватит! – сказал Антони и схватил ее за руку.

Эхо его голоса заставило их похолодеть. В этих стенах малейший звук выдавал их. Они подождали, но никакой реакции не последовало. Антони с матерью оказались одни на вражеской территории, их отвага стремительно убывала, им было страшно.

Тут в скважине послышался металлический звук. Сложные механизмы по ту сторону двери пришли в движение, и она открылась. На пороге появился невысокий человек, весь в джинсе и с усами. Мать хотела улыбнуться. Антони стоял, опустив голову. В желтом свете коридора фигура господина Буали выглядела искаженной, голова казалась слишком большой, руки слишком массивными. Лицо его было изрезано глубокими, концентрическими морщинами, среди которых неярко мерцали глаза. Он миролюбиво смотрел на них со слегка озадаченным видом.

– Здравствуйте, мсье, – извиняющимся тоном произнесла Элен.

Мужчина молчал, глядя на них с живым любопытством. Когда Элен спросила, дома ли Хасин, морщины у него на лбу стали еще глубже.

– Нет. Его нет.

– Вы не знаете, он скоро придет?

– А что вы хотите?

Элен с сыном чувствовали за спиной пустоту лестничной клетки, безмолвную вертикаль здания, наполненную чьим-то невидимым, многочисленным присутствием, смутным муравьиным кишением. Где-то там пряталась целая толпа ничем не занятых людей, у которых в жизни только и было, что телевизор, наркотики да развлечения, жара да скука. Они были начеку, и чтобы разбудить их, хватило бы сущего пустяка. Элен ответила, что хочет с ним поговорить. Что это важно.

– А что случилось? – спросил мужчина.

– Я предпочла бы поговорить об этом, когда здесь будет ваш сын, мсье.

В вежливости Элен было что-то подозрительное. Она напоминала выверенную дистанцированность нотариуса или интонацию врача, когда тот сообщает плохие новости.

– Его нет дома, – повторил мужчина, уже начиная закрывать дверь.

Элен выставила вперед раскрытую ладонь, потом подставила плечо.

– Это важно. Мне действительно надо с ним поговорить, мсье Буали.

– Что он сделал?

Где-то в подкорке Элен почувствовала его нерешительность. Она спросила, нельзя ли им войти на минутку. Г-н Буали не знал. Он был встревожен. Но прежде всего ему не хотелось, чтобы его кто-то доставал. Элен настаивала.

– Нет, – проговорил мужчина, – оставьте меня в покое.

На верхнем этаже открылась дверь, послышались характерные молодежные голоса. Оттуда же раздавались звон цепи, пыхтение и собачье рычание. Антони решительно толкнул дверь и потянул за собой мать.

– Иди сюда...

– Что вы делаете? Вы не имеете права.

Мужчина пошатнулся под натиском непрошенных гостей. Он смотрел на них, не веря своим глазам.

– Вы с ума сошли. Выйдите отсюда.

Антони закрыл дверь и запер на засов. Все трое оказались зажатыми в тесноте коридора. Мужчина ощущал запах волос Элен – свежий аромат липы, возбуждающий, тонкий запах женщины. Ему стало не по себе. Она смотрела на него круглыми глазами, приложив к губам указательный палец и умоляя ничего не говорить. Соседи с собакой спустились вниз. Они перего-

варивались по-арабски, довольно весело. Антони все больше хотелось писать. Когда те совсем ушли, он спросил:

– У вас есть туалет?

Вопрос мальчика обезоружил старика. Он сказал, чтобы тот прошел в конец коридора и повернул направо. Элен воспользовалась этим, чтобы все ему рассказать. Она так долго пережевывала внутри себя всю эту историю, что ей не составило труда подробно изложить ее, правильно расставив акценты. Так, она дважды произнесла слово «вор», но мягким, утешительным тоном. Старик постепенно менялся в лице. Он вдруг почувствовал себя ужасно старым и виноватым. Они с Ранией уехали из нишей страны, и Эйанж стал для них неплохим прибежищем. Сорок лет он гнул спину на заводе, был пунктуальным, притворялся покорным, всегда оставаясь арабом. Потому что довольно быстро понял, что субординация на работе зависит не только от компетентности, стажа или дипломов. Разнорабочие делились на три категории. На низшей ступени стояли негры и такие выходцы из Северной Африки, как он. Над ними – поляки, югославы, итальянцы, ну и французы – из недотеп. Но чтобы попасть на верхнюю ступень, надо было родиться французом, и никак иначе. И если в виде исключения иностранец становился квалифицированным рабочим или даже добирался до высшего образования, на нем навсегда оставалась тень подозрения, что-то такое, непонятно что, позволявшее заранее обвинить его во всех грехах.

Функционирование завода было далеко не так безобидно. На первый взгляд можно было подумать, что распределение рабочих мест, применение рабочей силы осуществляются там исключительно по принципу эффективности. Что эта мощь, эта логика, направленные на производство и наращивание его темпов, самодостаточны. На самом же деле за этими идолами, которые будут водружать все выше и выше по мере того, как долина будет терять конкурентоспособность, скрывалась сложная, путаная система негласных законов, методов принуждения, унаследованных еще от колониальных времен, система естественного с виду отбора, узаконенного насилия, обеспечивавшего дисциплину и распределение несчастных по категориям. Малек Буали занимал место в самом низу вместе со своими собратьями – черножопыми, черномазыми, чурками, – эти слова были в ходу. С течением времени презрение к нему и ему подобным приобрело более скрытые формы, но оно никуда не делось. Его даже повышали по службе. Но где-то глубоко остался в нем этот острый привкус гнева, обиды, который жег его изнутри вот уже сорок лет. Правда, сейчас это было уже не важно. Он получал пособие по безработице, а на выходное пособие от «Металора» строил домик на родине. Ранья уехала туда первой. Они столько отработали за свою жизнь. А сыновья? С самого раннего детства они знали больше, понимали лучше. Так что же произошло?

Малек прокашлялся.

– Я сделаю чай.

Он направился в кухню, оставив Элен в коридоре. Вскоре она услышала звук открывающегося шкафа, журчание воды, шипение газовой горелки.

Они молча пили чай из маленьких позолоченных стаканчиков, оставлявших мокрые кружки на клеенке. Хозяин почти ничего не говорил. Не отрывая глаз от стакана, он снова и снова прокручивал в голове свои черные мысли. Элен тем временем с восхищением разглядывала его задумчивое лицо, все в глубоких бороздах, словно поле, его трудовые руки. Этот человек странным образом напомнил ей отца.

– Вы ошибаетесь, – сказал он. – Хасин не такой.

Он сурово смотрел на нее. Он не лгал. Но и правда его тоже не интересовала. Он просто делал свое отцовское дело. Позже он будет делать его с Хасином, это уж точно. Столкнувшись с таким упорством, Элен снова принялась излагать факты, мужчина слушал. Потом обеими руками он разгладил клеенку и поднял на нее подернутые дымкой глаза. У нее были голые плечи, красивая женщина. Как все непросто в этом мире.

– Вы пришли и оскорбляете меня в собственном доме...

– Я думала, что мы уже поняли друг друга, – сказала Элен.

На улице исступленно пел дрозд. Антони решил, что, если этот старикашка сейчас что-нибудь сделает, он оторвет ему башку. С самого начала у него дрожали ноги, отбивая каблуками чечетку под стулом. Интересно, когда вернется Хасин? Антони пытался представить себе, как тогда начнут разворачиваться события. Он вспоминал истории про разные разборки с мордобоем. Но Малек Буали только закрыл глаза.

– И где сейчас этот мотоцикл? У меня дома никакого мотоцикла нет.

– Я не знаю, – сказала мать.

– И что?

– Я хочу поговорить с вашим сыном. Я с самого начала твержу про это.

– Его нет дома.

– Мне очень жаль. Но без мотоцикла я не уйду.

– Вы уйдете, – сдавленным, жестким голосом сказал старик. – Сейчас же.

Элен и он смерили друг друга взглядом поверх стола. Оба разозлились не на шутку. Воспитание – это только красивое слово, ему место в книжках да в циркулярах. В действительности же все делают что хотят. Можно из кожи лезть вон или, наоборот, на все плевать, никто не знает, что из этого получится, это – тайна. Вот родился ребенок, вы строите планы, ночей не спите. Пятнадцать лет подряд встаете до рассвета, чтобы отвести его в школу. Твердите за столом, что есть надо с закрытым ртом, а спину держать прямо. Нужно думать о его развлечениях, покупать ему кроссовки и трусы. Он болеет, падает с велосипеда. Тренирует на вас свою волю. Вы растите его, теряя по пути силы и сон, становитесь медлительным и старым. А потом, в один прекрасный день к вам, в ваш собственный дом заявляется враг. Что ж, хорошо. Он готов. Вот так и начинаются крупные неприятности, которые могут стоить жизни или закончиться в суде. Элен и старик были на грани этого, в пору мебель выносить.

– Когда Хасин вернется, я с ним поговорю, – пообещал старик. – Если это его рук дело, он вернет мотоцикл.

Элен решила поверить ему. Она даже на мгновение почувствовала нежность к этому старому человеку, униженному и такому благопристойному.

– Можете мне верить, – сказал он, вставая.

Он собрал стаканы, поставил их в раковину, потом протянул руку, указывая им путь к выходу. Каждый держался официально, с протокольной четкостью. На пороге они обменялись рукопожатиями.

Оставшись один, Малек Буали прислонился к стене. Губы у него дрожали. Он почувствовал, что его не держат ноги. Поднес руку ко рту, сильно закусил, так что потекла слюна.

Потом он надел ботинки и спустился в подвал. В его отсеке не хранилось ничего особенного, только чемоданы да его инструменты. Во всяком случае, мотоцикла он там не обнаружил. Не спеша он взял лопату, потом мотыгу. Попробовал и молоток. Он взвешивал на руке каждый инструмент, оценивал с точки зрения удобства, вертел и так, и этак под свисавшей с потолка лампочкой. Наконец он остановил свой выбор на мотыге. Прижав ее к стене, он отпилил рукоятку почти под корень. Затем поднялся с этой рукояткой к себе, уселся перед телевизором и стал смотреть Олимпийские игры. Американцы заграбастали все награды. Двести метров среди мужчин и среди женщин, а Карл Льюис в конце концов обошел Майка Пауэлла в прыжках в длину. Рукоятка от мотыги лежала у него под рукой. Время шло, стемнело. Около десяти часов старик задремал, его разбудил приход сына. Он посмотрел на часы и проворчал несколько слов по-арабски. Чтобы встать, ему пришлось опереться о собственные колени.

– Это ты?

– Ага.

Молодой человек разувался в темноте. Он был слегка под кайфом и очень надеялся, что отец не станет пичкать его своими нотациями. Где был, что делал, видел брата?

– Я тебя ждал.

– Я был с ребятами. Валюсь с ног, пойду лягу.

Почувствовав движение у себя за спиной, Хасин обернулся и увидел, как отец поднимает над головой рукоятку мотыги. Не успел он и слова сказать, как палка обрушилась ему на голову с каким-то на удивление гулким звуком. Затем последовал новый удар, пришедшийся по локтю. Юноша повалился на линолеум, закрываясь как придется руками. А удары все сыпались и сыпались – по пальцам, по бокам, по пояснице. Он слышал собственный умоляющий голос. Отец же ничего не говорил. Он только пыхтел, действуя неторопливо, с силой отвешивая удар за ударом – как на работе.

Кончив дело, отец запер Хасина в его комнате. Тот мог теперь определить нанесенный ему ущерб, разглядывая себя в зеркале платяного шкафа.

У него была здорово разбита бровь, все тело покрыто синяками. Он с трудом шевелил пальцами. Осторожно он растянулся на кровати. Ему было так больно, что он нервно засмеялся. Вскоре из соседней комнаты послышалось непривычное бормотание. Он приложил ухо к стене. Отец молился у себя в спальне. Значит, дело серьезное. Хасин натянул простыню и укрылся с головой. Долго ломал себе голову, в чем отец мог его упрекнуть. Ему было больно, ему было стыдно. В конце концов он уснул. Среди ночи он захотел сходить пописать, но дверь оказалась закрытой на ключ. Пришлось облегчиться в корзину для бумаг. Утром в шесть утра пришел отец. Они поговорили как мужчина с женщиной. Отец сказал, что, если он возьмется за старое, он убьет его своими руками. Хасин не знал, что на это ответить. Зато точно знал, что тому педикю с его кузеном мало не покажется. Это было яснее ясного.

10

Когда Стеф проснулась, в доме уже никого не было. Босиком она прошла на кухню. Она еще не совсем проснулась, настроение – хуже некуда. Мать оставила на столе записку. Она просила включить в полдень духовку и напоминала записаться к ортодонту. Записка была приклеена к кружке. В конце мать нарисовала сердечко.

Стеф налила себе сока, потом вышла на террасу со старым номером «Вуаси» под мышкой. На ней были только широкие не по размеру трусы-боксеры и футболка «Снупи». Она принялась листать журнал, попивая сок. Джонни, Джулия Робертс, Патрик Брюэль, все одно и то же. Им с Клем очень нравилось читать про принцесс Монако. Они называли этих телок сосками: присосались, как дуры, к фамильному добру и не парятся. Даже мужика приличного себе найти не могут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.